

Марина
КРАМЕР

*История
сильной
женщины*

**ВСЕ ОТТЕНКИ
ЖЕЛАНИЙ**

КРИМИНАЛЬНАЯ
Мелодрама

История сильной женщины

Марина Крамер

Все оттенки желаний

«ЭКСМО»

2012

Крамер М.

Все оттенки желаний / М. Крамер — «Эксмо», 2012 — (История сильной женщины)

Лариса раньше никогда не задумывалась, каково это – вести двойную жизнь. Но теперь ей приходится примерять на себя разные амплуа – примерная жена-паинька в отсутствие супруга превращается в вызывающе сексапильную Лорри. Она модель эротического фото. Вместе с пылким любовником Костей реализует все свои смелые сексуальные желания, практикуя нетрадиционные техники и получая от этого незабываемое наслаждение. Весь Интернет забит откровенными фотосессиями Лорри; хорошо, что хоть при столь пикантной садо-мазо-атрибутике удастся скрыть лицо модели. Если знакомые, друзья и муж узнают о второй жизни Ларисы, на ее будущем можно поставить крест. Теперь же у нее появился еще один «поклонник». Маньяк жестоко избивает и насилует девушек, и все жертвы внешне очень напоминают Лорри. Похоже, именно она стала музой мучителя. Видимо, кто-то решил реализовывать свои порочные желания таким криминальным образом...

© Крамер М., 2012

© Эксмо, 2012

Марина Крамер

Все оттенки желаний

– Дай мне слово, что она никогда об этом не узнает.

– Зачем тебе мое слово? Я никогда не подвел тебя, ни разу. И сейчас не подведу. Ты доверил мне свою тайну – разве я открыл ее кому-то? Почему твоя девка должна стать исключением?

– Ты не понимаешь... Не понимаешь! Я не хотел тебя с ней знакомить – и одновременно хотел, чтобы ты ее увидел. Но...

– Заканчивай фразу. Но ты боялся, что я ее уведу? – В голосе насмешка, как же это противно...

– Она не пошла бы с тобой.

– Тогда я тем более должен был на это взглянуть.

– Взглянул?

– Да.

– И как?

– Хочешь по-честному? Ты ее недостойн. Да-да, и не смотри на меня так, я не боюсь.

– Я тебя предупредил.

– Считай, что я понял.

Раньше я никогда не задумывалась, каково это – вести двойную жизнь. Я, конечно, слышала, что есть люди, способные успевать действовать на два фронта, но в то, что подобное произойдет со мной, никто не заставил бы поверить. Но случилось так, что с какого-то момента моя жизнь пошла одновременно по двум колеям, и им, наверное, никогда не суждено слиться в одну. Я уже не стану прежней. Даже когда прекращу вести ту жизнь, которая у меня есть сейчас. Просто одна часть меня отомрет – и все, но это буду уже не я.

Я – модель эротического фото, да не простого, а с уклоном в фетиш.

Когда это началось, я не помню. Давно, лет в девятнадцать, наверное. Почти полжизни назад. «Мечта» – так говорит иногда Костя.

Костя – мой любовник и источник неиссякаемой головной боли. Или я являюсь таковым для него?

Будь его воля – жила бы я где-нибудь в специально оборудованном подвале – на цепи и в ошейнике, чтобы точно никуда не сбежала. А я и так не бегу – мне с ним хорошо. Но и Костю можно понять – ну где еще он найдет вторую такую? Чтобы умела то, что умею я, да еще и на людях с ней было не стыдно показаться, так как я могу поддержать разговор на любую тему. Как говорит моя приятельница – «как куртизанка: и в постели фокусы, и на гитаре поиграть».

Когда меня спрашивают, как и почему все вышло так, как вышло, я не сразу нахожусь, что ответить. Это образ жизни – я же не спрашиваю вас, как вы ходите, спите, дышите? Вот и я живу!

Наверное, это было во мне всегда – страсть к чему-то острому, на грани, к тому, на что не каждый решился бы. Но я с детства была такой. Если где-то стоял высокий забор – я непременно должна была на него влезть. Если мальчишки прыгали с крыши гаража на кучу песка, то я обязана была сделать это наравне с ними, а то и лучше. И так – во всем. Когда я впервые увидела фотографию в стиле фетиш, во мне что-то забурлило. Но я никогда не подумала бы, что спустя некоторое время это развлечение превратится для меня если не в катастрофу, то в проблему – уж точно. Я просто не учла, что за человек стоит по ту сторону камеры.

Камнем преткновения в наших с Костей отношениях всегда был мой характер. Именно в нем причина всех конфликтов, всех ссор и драм, которые происходят в нашей жизни. Я –

капризная, взбалмошная, истеричная стерва, привыкшая потакать только собственным желаниям. Жить со мной трудно, любить меня – кошмарно. Но изменить меня – невозможно. Пробовали люди...

Я не выношу никакого морального давления, не выношу, когда меня пытаются унижить словесно. Единственное, что позволяет себе Костя время от времени, – «сука» и его производные, за остальное я легко могу и по лицу съездить. Костя мирится с этим, как мирится еще со многими вещами. Он меня любит...

Еще он любит фотографировать или рисовать. Не знаю, откуда это взялось у хирурга, но он – отличный мастер фотографий в стиле «ню» и «фетиш». Я подозреваю, что он на самом деле просто эстетствующий извращенец – ему подавай антураж, обстановку, атмосферу... И я – его любимая и единственная модель. Но, к великому сожалению, мы вынуждены скрывать это ото всех, вывешивая работы в Интернете под вымышленными именами, снимать только так, чтобы в объектив не попадало мое лицо. Это я настояла, хотя Костя возражал. Но он быстро сдался, и я даже, кажется, догадываюсь о причинах. Ему просто нравится власть надо мной, которую он получает только во время фотосессий. Любит он подолгу рассматривать меня, висящую, лежащую или растянутую по стене. Это словно заводит его, подстегивает.

И еще одно... у нас обоих есть семьи. Это тоже нормально: в семье отношения обычные, я очень люблю своего мужа, просто он – другой. Он нежный, заботливый и жалостливый, и с ним все совсем иначе. Когда я устаю от Кости и его фантазий – лучше и не придумаешь.

У Кости с женой... хм... проблемы. Я в это не лезу – зачем? Хотя Костя иногда настойчиво пытается приобщить меня к решению своих семейных неурядиц.

Так к чему я все это? А, да... Ощущения... Когда я впервые согласилась попробовать, то ожидала, если честно, чего-то совсем другого, только не того, что получилось. Я даже не знала, что так может быть... Мне казалось, что я никогда не смогу раздеться перед камерой, принять какую-то причудливую позу, никогда не смогу примерить все эти латексные костюмы, маски и сапоги на невероятно высоких каблуках – просто потому, что в душе я закомплексованная и неуверенная в себе. Где-то глубоко-глубоко. Но даже в самый первый раз я испытала такое ощущение, за которое отдам все на свете... И с этого началась моя любовь...

Красивое женское тело. Сколько в нем эстетики, сколько грации... Как же это прекрасно – сжимать его в руках и чувствовать, что оно покоряется тебе! И ты – единственный властитель судьбы. Что захочешь – то и сделаешь. И это ощущение власти опьяняет, окрыляет и дает возможность взлететь куда-то вверх, откуда все проблемы в земной жизни кажутся такими ничтожными. Власть над строптивой, непокорной красотой – вот то, что нужно, чтобы чувствовать себя немножко Богом.

* * *

...Идем в сауну с подругой. Ульянка – обычная, нормальная девушка без особых комплексов и каких-то там предрассудков (ну, так мне казалось). Раздеваемся, и я поворачиваюсь к ней спиной. Сзади – возглас ужаса:

– Что это у тебя?!

О, я и забыла – пару дней назад Костя увлекся немного, мы работали на сетке из колючей проволоки, остались следы. Ну, даже не следы – так, красные точки и царапины.

– А, не обращай внимания, – отмахиваюсь я, но Улька настойчиво пристает:

– А серьезно?

– А серьезно – следы от проволоки.

– ??? – На ее лице смесь любопытства, ужаса и еще чего-то непонятного.

- Ну что? От проволоки, говорю, следы.
- Кто тебя?!
- Костя.

Ульянка трясет головой, словно отгоняя призраков, садится на диванчик и вытягивает сигарету из пачки:

- Он тебя бьет, что ли?
- Нет, он меня любит.

– Лорка, ты дура? Или просто меня разводишь? Что значит – любит, когда спина вся исполосована?

– Господи, Уля! Да не грузись ты тем, что тебе не нужно, а? – прошу я и иду в кабину сауны.

Улька докуривает и плетется следом. Садится на полоч, вытягивает ноги и закрывает глаза. Но я просто физически ощущаю, как ей хочется задать мне еще пару вопросов. Интересно, как скоро она решится?

Это происходит, когда мы, поплавав в бассейне, сидим на диване, пьем зеленый чай и наносим на лица маски.

- Так ты мне не ответила!

Я злюсь:

- Что тебе надо, а?
- Мне интересно.

– Любопытство – очень опасный грех, дорогая! Можешь узнать что-то такое, что тебе не понравится.

- И все-таки?

– Ну ты липучка! Это следы от проволоки, на которой мы вчера фотосет делали – так понятнее?

Улька проливает на себя чай, вскакивает, прыгает по комнате, стряхивая с ног горячую жидкость, матерится негромко. Потом останавливается напротив меня:

- Ты этим что хочешь?..
- Уля, ты чего на меня так смотришь? Ну да – фото в стиле фетиш. И что?
- Фетиш? – выдыхает подруга, едва проморгавшись. – То есть ты хочешь сказать...
- И что? – повторяю я свой вопрос, уже прекрасно зная ответ на него.
- Но это... это же извращение!

Во-от. Началось! Такое впечатление, что я призналась ей, что у меня полный букет венерических болезней, и теперь Улька напряженно соображает, к какому врачу ей идти в первую очередь – ведь она со мной в одном бассейне плавала.

– А вот ты когда журнал покупаешь, а в нем картинки с обнаженными тетями – это что? – интересуюсь я невинным голосом, хотя сейчас мне очень хочется послать Ульяну далеко и надолго.

- Ты дура?! Это эротика, это – нормально!
- Ну так и фетиш нормально.

– Ни фига это не нормально! – орет Улька, топая ногой в прозрачном пляжном шлепанце. – Это... этим... этим только шлюхи занимаются – за деньги!

– А я делаю это бесплатно и исключительно по любви! – отрезаю я. – Все – ты узнала, что хотела?

Она молчит какое-то время, потом опасливо присаживается на край дивана подальше от меня:

– Знаешь, дорогая... я теперь уже и не знаю, как с тобой общаться... Вы мне казались нормальными людьми – и ты, и Костя... Но это!..

– То есть, иными словами, мы – нелюди сродни педофилам? По-твоему, все, кто любит такие фотографии, – непременно дегенераты и извращенцы с узкими лбами и низким интеллектом? Ты просто ничего об этом не знаешь! Полно нормальных людей, причем с приличным положением в обществе! Заметь – я не призываю тебя этим заниматься, я вообще никому это не рекламирую! И это мое личное дело – мое и Кости! Ты вот иногда кокаин нюхаешь... Да, не тарачи глаза на меня, я это прекрасно знаю! Думаешь, если раз от раза, по случаю – так не подсядешь, что ли? Но ведь я не ору тебе, что ты наркоманка, да? И не веду себя так, как будто у тебя проказа! Что ты так всполошилась? – Улька хлопает ресницами, что в сочетании с зеленой маской на лице выглядит комично, и в другой раз я непременно посмеялась бы, но сейчас мне как-то не до смеха. – Не переживай, я совершенно здорова, ничем тебя не заражу – это не передается ни через воду, ни даже половым путем!

Я срываюсь с дивана, наскоро смываю маску, кое-как ополаскиваюсь под душем и выбегаю в раздевалку. Одевшись, заглядываю обратно и говорю последнюю на сегодня колкость:

– А с коксом поаккуратнее, подружка! Это намного опаснее снимков в латексе.

Оставив Ульянку с открытым ртом, я ухожу из сауны.

Иду к остановке и чувствую себя отвратительно. Ну что такого в моем занятии?! Я живу так, как хочу, не привлекаю к своему хобби никого – так почему бы всем не заткнуться и не начинать читать мне мораль, считая меня чудовищем и извращенкой?! Я же не осуждаю ее за кокаин, который она невесть где достает в нашем городе! Да пусть хоть до смерти обнюхивается, если бог ума не дал! Но и меня пускай тоже не трогает! Черт, черт!!! Ну на фиг я поперлась в эту сауну сегодня?!

Ловлю такси, сажусь на заднее сиденье и плачу всю дорогу до дома.

* * *

Не знаю, в какой момент я начала подозревать, что Костя не все мне говорит. Вернее, не обо всем. Мне всегда было интересно, где конкретно он черпает вдохновение для своих снимков. Ведь это же какой надо обладать фантазией, чтобы сочинить мини-историю и воплотить ее в фоторяд! Но, сколько я ни билась, Костя только ухмылялся и молчал. И тогда я начала банально проверять и шпионить. Это мне удавалось с блеском – сам же Костя и оказался невольным пособником. У меня благодаря ему огромная коллекция париков, которые с успехом меняют внешность до полной неузнаваемости. Вот их-то я и использовала. Но все мои попытки что-то узнать не увенчались никаким результатом – Костя исправно ездил на работу, потом несся в школу за сыном, вез его на тренировку, забирал. Но я чувствовала, что где-то есть подвох – уж слишком блестели у него иной раз глаза, словно Костя заново переживал какие-то эмоции. Причем не связанные со мной. Я не ревновала – я вообще лишена этого чувства, потому что уверена в себе. Но было обидно, что он не рассказывает. Я реализовывала перед камерой какие-то его фантазии, но понятия не имела, с чем именно они связаны, чем порождены. Мне не нравился еще один момент: иногда Костя вдруг забывался и становился глухим и каким-то жестоким, заставляя меня делать вещи, которых я не хотела. В такие моменты он мог запросто дать мне пощечину, ударить чем-то из реквизита, а потом, словно очнувшись, долго просить прощения, покрывать поцелуями следы от ударов. Такие перемены в его настроении меня пугали. Много раз я пыталась откровенно поговорить об этом с Костей, но он всячески увиливал. Со временем я махнула рукой и смирилась...

* * *

Я не люблю дни, когда Костя дежурит. Все-таки врачебному делу нужно отдаваться целиком, а не так, чтобы беспрестанно звонить, посылать эсэмэски, влезать в аську. Но ему необ-

ходимо постоянно быть в курсе событий, знать, что конкретно происходит со мной в ту или иную минуту, когда его нет рядом. Я же в такие дни чувствую себя кем-то другим, не собой. Вот я встаю, машинально делаю что-то, включаю ноутбук... Хожу, ем (или не ем), занимаюсь повседневной рутинной, лежу на диване... Но это не я. Настоящая «я» сейчас спит, свернувшись клубком где-то внутри, отдыхает и набирается сил – для завтрашнего дня.

Или лежу в ванне, курю сигару и думаю.

Как-то давно Костя меня затащил на выставку работ какого-то немецкого умельца. Тот приехал специально, чтобы отснять материал именно в России. Честно скажу, меня увиденное шокировало. Мы с Костей несколько лет работаем в этом жанре, но у нас все-таки вариант «лайт». Здесь же...

Больше всего меня поразили почти бытовые фотографии – обычные люди, но! На телах некоторых девочек-моделей я увидела татуировки типа «Собственность господина Евгения (Василия, Ивана и т. д. – не суть)» через весь живот, разные клейма и метки.

– Господи, что это?! – шепотом спросила я, крепче ухватив Костю под руку, и он объяснил:

– Заинька, это же просто! Мастер заявил, что девушка принадлежит ему, а она в знак подтверждения согласилась на такую метку.

– Господи, бред! Ну а завтра у них разладится – и что? По жизни пойдет с этой надписью? Просто отлично! – У меня было ощущение, что я попала в параллельный мир, в котором все перевернуто с ног на голову, в котором люди живут по каким-то иным законам и правилам. Но самое ужасное, что Костя, кажется, тоже готов был стать частью этого мира.

Костя не разделил моих эмоций, зато как-то подозрительно посмотрел, и я, уловив суть, мгновенно показала ему средний палец, не особенно стесняясь публики. Он захохотал, но я почему-то не успокоилась.

Я не хочу об этом рассуждать – я не из тех, кто осуждает то, что ему лично не близко. Просто у меня свои табу, а у кого-то другого – свои.

И вот надо же было, чтобы именно сейчас к Косте подвалил его давний приятель и, оглядев меня, сообщил, что если вдруг он, Костя, захочет поставить на мне клеймо, то в его салоне – все буквально задаром! Костя вовремя почувствовал мое напряжение, взял за руку и отрицательно покачал головой, велел не связываться, а сам усмехнулся и, повернувшись к приятелю, бросил:

– Нет, Костик, на этой женщине ничего ставить нельзя, – и в его голосе мне послышалось сожаление.

Приятель отошел, а у меня вдруг так сильно испортилось настроение, что я уговорила Костю покинуть выставку.

Это было давно, еще в начале наших отношений. Сейчас я уже умею получать от этого определенного рода кайф, тем более что Костя практически ничем не злоупотребляет. Единственная его слабость – наручники. О, этого он не упускает – когда надо и не надо, мои руки оказываются скованными или скрученными веревкой. Он даже освоил японскую боевую технику связывания, точнее, ее адаптированный вариант для любителей бондажа – шибари. О, тут он мастер, каких поискать... У нас куча фотографий с результатами таких игр... Костя всегда вдумчиво и серьезно выбирает веревки, проверяя, чтобы они не травмировали кожу, не были излишне грубыми. Он вяжет узлы и постоянно заглядывает мне в лицо, стараясь понять, хорошо ли мне. Меня это раздражает, если честно. Мне хочется, чтобы он был более жестким, более безжалостным – это дало бы мне новые эмоции, и снимки выходили бы более экспрессивными, даже без лица, потому что и телом можно выразить огромную гамму эмоций... Но он не может, к моему глубокому сожалению. Я не знаю, откуда во мне такая страсть к проявлению жестокости в отношении меня. Но Костя порой так меня бесит своими телячьими нежностями...

* * *

У меня есть еще одна маленькая слабость, успешно заменившая мне в последние пару лет профессию. В силу сложившихся обстоятельств продолжать работу в адвокатской конторе, которую я создала и возглавляла в течение нескольких лет, я больше не могу. Контора отошла мужу, а я занялась тем, что умею и люблю давно, – аргентинским танго. Я приобрела небольшое помещение с довольно приличным паркетным залом, сделала там ремонт и открыла свой, пусть и маленький, клуб. Нашла тренеров, желающих зарабатывать на этом, а потом уже и ученицы подтянулись – те, кто по разным причинам в детстве не смог реализовать себя в танцах, но очень хотел. Состоятельные женщины от двадцати семи лет и до бесконечности. Дамы платят деньги моим парням за то, что те учат их танцевать и выходят с ними на конкурсы, которые довольно часто устраиваются в нашем городе. Клубов много, конкуренция есть. Я имею с этого определенный процент, который позволяет мне жить так, как я хочу, не прибегая к помощи мужа. Чем больше учениц – тем больше денег и у тренеров, и у меня как у владелицы клуба. Все просто.

Кроме того, эта работа позволяет мне периодически реализовывать свою страсть к танцу. Разумеется, ни о каких конкурсах речь не идет, но иногда на уроках тренерам требуется помощь в показе движений, и я никогда не отказываю. Кроме того, мой клуб имеет хорошую репутацию, а потому нас частенько просят подготовить какой-нибудь показательный номер для Дня города, например.

Особенно часто мне приходится работать со Славиком – молодым широкоплечим красавчиком с длинными кудрявыми волосами, во время тренировок собранными в небрежный хвост. Вячеслав чувствует во мне какой-то подвох и постоянно пытается понять, какой именно. Меня эти разговоры сперва приводили в ужас, потом злили, теперь же просто веселят. Мне на самом деле очень нравится отвечать ему полунамекками, томно закатывать глаза и многозначительно обрывать фразу на полуслове, оставляя какие-нибудь недомолвки. Он же постоянно старается прикоснуться ко мне – вроде бы случайно, краснея и извиняясь, но я-то вижу... Чаще всего я танцую именно с ним. У Славика животная сексуальность и мягкая пластика, в каждом движении чувствуется такая страсть, что дух захватывает. Юноша, правда, еще не особо умеет пользоваться своим даром, но кое-что уже понимает. Я так говорю потому, что вижу, как на групповых занятиях девушки-ученицы просто слюной исходят и радостно вспыхивают, если Славик выбрал кого-то из них в качестве партнерши. Но такое происходит только тогда, когда меня нет в зале.

Ко мне у Славика особое отношение. Ему ничего не стоит просто так принести мне цветок, купить шоколадку или пачку сигарет, проводить домой, если работали допоздна, а меня никто не забрал. Словом, это мало напоминает партнерские отношения. И надо ли говорить, как сильно бесится Костя, когда видит рядом со мной этого начинающего мачо...

В какой-то степени мне, разумеется, приятно внимание такого молодого мальчика, но я прекрасно понимаю и то, что это слишком большая ответственность. Мало ли что у него в голове...

* * *

– Заинька... я тут подумал... – по влажному от пота животу скользит его рука с тонкими нервными пальцами, заставляя меня содрогаться от воспоминаний и от предвкушения дальнейшего. – А ведь ты меня обманываешь...

О господи... ну, почему, когда пять минут назад все было так хорошо, непременно нужно убить все пустым трепом, а? Пять минут назад я извивалась в холодном поту от ощущения

собственной незащитности и беспомощности, когда ничего не видишь, не слышишь. Когда нет ни одного органа чувств, кроме кожи, когда не знаешь, что и как сейчас сделает Костя... Когда возбуждение уже такое, что, кажется, рассудок мутится. И теперь испортить все это банальной разборкой по надуманному поводу? О, будь ты проклят...

– Что опять? – Я недовольно открываю глаза и смотрю в помрачневшее отчего-то лицо Кости. – Не можешь без фокусов?

– Ты меня обманываешь, моя дорогая. У тебя что-то есть с этим мальцом в клубе.

Я начинаю хохотать, чем привожу Костю в состояние еще большей агрессии. Он сильно встряхивает меня за плечи, потом вжимает в подушку и шипит в лицо:

– Что смешного?! Что смешного я сейчас сказал?! Я прекрасно знаю, что у тебя с ним есть что-то, потому что ты сучка, как и все бабы!

– Убери руки, мне больно...

– Потерпишь! – Он бьет меня по щеке. – Почему тебе так трудно сказать мне одну-единственную фразу, только одну – «я люблю тебя, Костя»?! Почему, а?!

– Господи, ну почему ты такой идиот, а? Зачем ты мешаешь все в одну кучу – свою ревность, свою неуверенность, свои комплексы? – Я стараюсь говорить спокойно, без крика, на одной ноте – только так я могу удержать его в относительно нормальном состоянии и не дать сорваться. Потому что когда он срывается (а такое хоть и не часто, но бывает), то мне приходится несладко...

– Ты меня вынуждаешь! Я не верю тебе, понимаешь? Не верю! И боюсь, что однажды тебя просто не окажется рядом – и тогда что? Что тогда делать мне с моими привычками, а? – Он сбрасывает меня с кровати. – Ты никогда не думаешь обо мне! Только о себе всегда!

– Ты мне надоел! – не выдержав, рывкаю я и встаю на ноги. – Открой «браслеты»!

– Нет! – заявляет он, вытягиваясь на кровати и покручивая на пальце ключ. – Что ты сделаешь, чтобы его получить?

– Что скажешь! И быстрее – мне надо на работу!

– Тогда просто скажи мне – «я тебя люблю» – и все, иди себе.

Это – эмоциональный прессинг, которого я не выношу. На меня нельзя давить морально – это может плохо кончиться. Но Костя уже перешел грань, за которую переступать не следовало:

– Что ты стоишь?! На колени, сука! И голову вниз, чтобы я видел, что тебе стыдно!

– Это с какой такой радости мне должно быть стыдно? И чего именно я должна стыдиться, хотелось бы знать? – прищуриваюсь я, стараясь не шевелить затекающими в наручниках запястьями. Чем больше дергаешься – тем сильнее они давят, врезаясь сперва в кожу, а потом и в мышцы.

Костя с минуту смотрит на меня внимательно, пытаюсь найти в моем лице хоть намек, но бесполезно. Тогда он встает, молча отмыкает наручники и бросает:

– Одевайся – и вон отсюда!

Я еле сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться. Костя никогда не был последовательным, и уже через час будет обрывать мне телефон и стучаться в аську. Потому что я у него – как болезнь. Как болезнь, от которой он и хочет и в то же время страшно боится излечиться...

Я выхожу из квартиры и иду на работу. Холодно... Весна где-то заплутала в этом году. Я иду и думаю о том, что вот уже несколько лет учусь не осуждать. Никого и ни за что. Принимать людей такими, какие они есть, – со всеми недостатками, достоинствами, пороками.

* * *

Нет, граждане, все-таки народ у нас равнодушный... Сегодня я это на собственной шкуре почувствовала.

Утро (ну, не раннее, понятно – вчера до четырех утра в аське проболтала, так что...), я поехала по магазинам. Не то чтобы я люблю это дело... но выхода нет. Времени свободного – вагон. Погода, правда, не очень, но и это можно пережить. Иду я, значит, вся такая собой довольная, по центру города, размышляю, куда податься. Вдруг – визг тормозов, две руки на рукаве пальто, рывок – и я, прилично шарахнувшись головой, оказываюсь в салоне машины. Никто из проходящих мимо даже не приостановился! Спасибо, люди!

У меня паника, я истошно визжу, машина отъезжает, дверь заблокирована – и только фраза «Не ори, истеричка!» заставляет меня замолчать и посмотреть на водителя. Сволочь поганая...

Возникает резонный вопрос:

– Ты совсем обалдел, урод конченный?!

И резонный ответ на него:

– Я тебя вчера предупреждал – не хами мне и не разговаривай так, словно я твой раб!

Если честно, в этот момент я жутко жалею, что это не так – вот бы я ему залепила по роже! Но не могу...

– Куда мы едем? – Я уже почти успокоилась, хотя руки трясутся, и вытянутая из его пачки сигарета никак не прикуривается.

– Не бойсь – все увидишь.

Интриган! Я даже разговаривать с ним не хочу, не то что...

Машина останавливается, я выхожу – ресторан «Панчо», единственное место в нашем городе, где готовят настоящую испанскую еду. Для человека, ненавидящего испанскую кухню так же сильно, как Костя, это просто подвиг... Он очень традиционен во всем, что не касается фотографии, поэтому его всегда возмущает моя страсть к экспериментам. Я же очень люблю открывать для себя какие-нибудь гастрономические новинки, поэтому часто затаскиваю Костю в подобные места, преодолевая его яростное сопротивление.

Сегодня он даже не орет: «Остро, невыносимо!» – а спокойно заказывает гаспачо, паэлью, тапас и каталонский крем, от которого я просто обмираю.

– Ты откуда вообще знал, что я сегодня выйду из дому?

– Ты сама вчера в аське сказала, что пойдешь искать сапоги.

И тут до меня доходит, что я перепутала окна переписки и вместо приятельницы послала это ему!

– Я тебя от самого дома пас, где ты так быстро в тачку сиганула, что я не успел перехватить. Кстати, что там было про фотографии и про то, куда и как ты бы мне их сунула?

Я чуть не падаю... я что – и это перепутала?! Тогда сегодня у меня день точно не задался, потому что вчера мы с одной дамой очень бурно пофантазировали на эту тему... Везет кому-то, что его задница сейчас в другом городе, да? Ну вот...

Я стыдливо опускаю глазки, хотя мне смешно – настолько, что я просто еле сдерживаюсь, чтобы не заржать. А он уже сидит за столом и барским жестом велит мне тоже присаживаться:

– Что застыла? Не голодная, что ли? Я же знаю – тебя ночью разбуди, покажи пиалку с гаспачо – и все.

– У меня сейчас такое чувство, что ты меня на вокзале подобрал и решил перед сексом накормить, чтобы не сдохла.

Костя морщится – не любит, когда я «уличными» словами порчу так тщательно продуманную им пафосную сцену.

– Что за мода все опошлять? Я уже не знаю, что мне сделать, чтобы ты вернулась.

– Просто оставь меня в покое на пару недель – вдруг я одумаюсь?

– Ты?! Да ты дура малахольная, сука! Ты никогда не одумаешься, если я не буду тебе напоминать о своем существовании! – «Господи, ну чего так орать-то? Люди кругом, между

прочим...» – Если я не буду за тобой везде ходить, не буду звонить, в аську долбиться – ты даже не вспомнишь!

У меня тайное подозрение, что юноша перечитал моих записок в Интернете... Да, страсть к эпистолярному жанру когда-нибудь меня точно погубит! Это уже совсем как-то по сценарию, в котором я прекрасно узнаю свою руку... По ходу пьесы сейчас он должен меня ударить, но обычно он так себя не ведет в общественных местах – все же боится... Ну, так и есть – выпивает стакан минералки и переводит дыхание.

– Я тебя прошу, перестань... ну, не выводи ты меня из равновесия! Ты ведь видишь – я и так уже на грани, у меня все внутри корчится, мне больно, сука!

Интересно: вот это, последнее, – обращение или констатация факта? Я спокойно ем пазлю, мне все в кайф, я умею отключиться и не слушать бред, который несет собеседник. Полезный навык, приобретенный еще во время работы санитаркой, – когда в коридоре бьется в психозе больной, а тебе надо готовиться к экзамену, и ты всю ночь тупо зубришь под это бормотание и выкрики... Да, в свое время я успела и полы в больнице помыть почти три года, чтобы иметь добавку к стипендии в университете.

– Лорка, ты когда-нибудь прекратишь надо мной измываться? Что ты за человек, я ведь прекрасно знаю, что ты извелась, тебе самой хочется!

– Что – так заметно?

– Не особенно! Но я-то знаю! Я же тебя давно знаю, ну почему ты такая, а?

Блин, как я ненавижу мужские истерики... как низко падает человек, у которого в голове пунктик! Ему НАДО! НАДО! НАДО!!! И он будет добиваться этого всеми способами – от лести и поцелуев до угроз и рукоприкладства. Собственно, ради этого последнего все и делается... Но вот сегодня мне его почему-то совсем не жалко. Я не хочу подчиняться, не хочу ломать себя – сегодня просто не тот день.

– Костя, давай прекратим это все, а? Ну не сегодня, понимаешь?

Он молчит пару минут, а потом выдает:

– Скажи-ка мне, моя дорогая, ты с ним спишь? Ну, с этим мальчиком из твоего клуба?

О, черт! Ну за что мне это все, а? При чем тут несчастный Славик, которого я не буду рассматривать в качестве партнера даже при условии, что он единственный мужчина на земле? Как мне объяснить это моему неумному любовнику?

– Я не могу спать с человеком, который годится мне в сыновья, если бы я родила его лет в пятнадцать.

– Не ври! Я же видел, как ты дергалась вчера и как на него смотрела – на меня ты так не смотришь!

«Как ты мне надоел своей ревностью! А-а-а-а!!!» Я швыряю вилку и встаю, толкаю стол так, что на колени Косте падает что-то с его тарелки.

– Я тебя предупреждала: никогда – слышишь, больше никогда – не смей мне говорить про ревность! Никогда – просто потому, что я тебе этого тоже не говорю!

Он тоже встает и – о, ужас! – опускается на колени, хватая меня за ноги и начинает рыдать... Это полный кошмар! Такого шоу я еще не видела... Мне противно и одновременно жаль его, никогда раньше Костя так себя не вел. Я его сломала – с ума сойти! Гордиться не хочу, если честно... Но теперь я понимаю, что с этого момента все пойдет по-другому, скорее всего. Все. Потому что вряд ли я теперь смогу подчиняться человеку, который может быть таким слабым – я его просто задавлю. С моим-то характером... Если раньше он как-то ухитрялся меня ломать, то теперь – все, все, граждане!

Я даже не знаю, радоваться этому или нет. Столько лет все шло по накатанной – и тут такое...

* * *

Муж пришел с работы хмурый. Он у меня оперативник в прошлом, у него остались какие-то приятели в полиции, с которыми он поддерживает отношения до сих пор, даже возглавляя адвокатскую контору. Я накрывала на стол к ужину, не заметила, как он вошел, и подпрыгнула от раздавшегося за спиной голоса:

– Опять весь день где-то болталась?

– Что за тон?

– Предупреждаю тебя: сегодня Мишка заходил, сказал, у них в разработке какой-то маньячина. Они аккурат сегодня деваху опрашивали. Изнасилование. И телесные повреждения такие, что Хичкок расплакался бы от зависти к фантазии товарища.

– Ну, и я при чем тут?

– При том! Не шарахайся по темноте, поняла?

– Саша, я не могу не шарахаться. У меня занятия в клубе заканчиваются в половине двенадцатого. Как раз успеваю на последний автобус.

– Бери машину и езд, мне все равно не нужно.

Ну еще бы! Не нужно ему! Не по статусу стала старушка «бэшка». У него «мерин» с водителем! Мой супруг ухитрился не только заочно закончить юридический факультет, но и присоединить к моей адвокатской конторе небольшое сыскное агентство. Но с чего бы предостережение? Сашка в последнее время мало интересуется мной. Наверное, я и сама в этом виновата, ну, пусть так. Однако почему вдруг сегодня?

– Ужинать будешь?

– Не хочу. Перед глазами стоит ужас этот.

– Фантазия у тебя богатая. Девушка жива, что ли?

– Да.

– Ну, и какой же это маньяк?

– Обыкновенный – в черной маске и перчатках. В общем, я тебе все сказал, будь аккуратнее, Лора.

Муж тяжело встал со стула и побрел в спальню, а я, облокотившись на подоконник, задумалась.

Мы много лет живем вместе, но детей у нас нет. Сейчас я уже перестала страдать по этому поводу, свыклась, хотя, не скрою, до сих пор в каких-то компаниях вопрос «Ну а вы когда же?» выбивает меня из равновесия. Мне нельзя иметь детей, это выяснилось случайно и не так давно, и, наверное, даже хорошо, что все наши попытки не увенчались успехом. Саша сперва сильно переживал по этому поводу, но потом как-то успокоился, забылся, ушел в работу. Наверное, отсутствие детей и сделало возможным тот образ жизни, который мы ведем вот уже несколько лет. Мне не к кому спешить домой, нет нужды проверять уроки или собирать ребенка в детский сад. Казалось бы, при таком раскладе мы давно могли развестись и пойти по жизни дальше отдельно друг от друга. Но нет! Для меня Саша – как островок спокойствия, место, куда я скрываюсь, устав от неадекватности жизни, он – мой поплавок, не позволяющий утонуть.

Ему же просто удобно жить со мной – я ничего не требую, обеспечиваю покой и уют в доме, вкусные обеды и ужины и гарантированные встречи из командировок, в которые он уезжает довольно часто. Саша не раз говорил, что для него очень важно знать, что по возвращении его кто-то ждет. И я его отчасти понимаю – он вырос в детском доме. Поэтому мне не сложно встретить его из поездки с накрытым столом, теплой ванной и чистым постельным бельем – не такая уж великая забота. Зато я знаю, что всегда могу рассчитывать на мужа, если будет нужно.

* * *

Нет, все-таки лучший способ снять стресс – это танцы, и меня никто не убедит в обратном. После двухдневных разборок, раздрая и, наконец, разрыва я, отчаявшись прийти в норму при помощи коньяка и сигар, побрела на работу. Отработали группу, и меня понесло:

– Славочка, ты не хочешь потанцевать часик?

– С вами – хоть до ночи, – ну, я сильно сомневаюсь, что ему в такой уж кайф танцевать не с денежной партнершей, а со мной, но хотя бы вид делает, что это именно так – уже приятно...

Чем еще хороша моя нынешняя работа: у нас полный шкаф обалденно красивых балльных костюмов – от стандартных платьев до развратных латинских. Одна проблемка – я сильно ударила ногу, косточка распухла и каблука просто не терпит.

Славик предложил самый простой выход – танцевать босиком:

– Вы не представляете, насколько эротично выглядит босая женщина в платье для пасодобля!

Ага – представляю, а как же... И платье развратное само по себе, и вид у меня в нем соответствующий, и еще длиннющий черный шиньон... короче, та еще испанка из меня...

Пасодобль я танцую не очень, признаюсь в этом совершенно откровенно – у меня темперамента не хватает. Но Славка, зараза такая, просто суперпартнер – с ним и бревно затанцует так, как надо...

Мы повспоминали основные движения, а потом началось ТАКОЕ... просто жуть! Я даже не думала, что так быстро смогу вспомнить все, что нужно. Я не люблю свое отражение в зеркале, не люблю свои фотографии – это ни для кого не секрет, но сегодня я впервые пожалела, что под рукой нет фотоаппарата, – мы смотрелись слишком красиво, чтобы не запечатлеть это. Я очень давно не ношу ярких вещей, и это красно-черное платье взбудило меня так, как уже давно не возбуждали тряпки. Ровно два часа мы танцевали в пустом зале, и меня уже совесть начала мучить, что я задержала Славика так надолго. Но он уже сам никуда не торопился, придумал совершенно потрясающую вариацию с такими позами, что я даже не думала, что способна еще так выгибаться. В смысле – выгибаться, не подчиняясь рукам Кости...

Потом, упав на пол с последним аккордом, я почувствовала, что меня отпустило – все отпустило. Но, как все хорошее, это тоже закончилось – от дверей зала раздались хлопки, и хлопающим придурком оказался, разумеется, Костя...

– О-фи-гительно лежишь, дорогая, просто блеск!

Как вы думаете, я заехала ему по морде? Если «да», отсылайте эсэмэску с цифрой один, если «нет» – с цифрой два. Шутка!

Пришлось захлопнуть дверь прямо перед его наглой рожой и пожалеть, что дверь закрывается внутрь, а не наружу, иначе уж совсем бы хорошо припечаталась.

Настроение испортилось совершенно – так все хорошо шло, и на тебе! Явился...

* * *

Я вернулась домой за полночь, надеясь, что Саша уже лег и мне не придется пить с ним чай и разговаривать – совсем не было сил. Но он сидел за компьютером и, кажется, даже не слышал, как я вошла. Приблизившись, я заглянула через плечо, чтобы поинтересоваться, во что так погружен мой супруг, и едва не закричала от ужаса. На экране монитора Сашка прокручивал фотографии, на доброй части которых была я... Я, черт возьми, это же мои снимки, сделанные Костиком! Как он узнал, откуда?!

– А, это ты? – заметил мое присутствие Саша, и я даже не сразу поняла, что он не имеет в виду фотографии, так как быстро свернул окно.

– Д-да...

– А поздно так чего?

– Работали... а... – Я вопросительно кивнула на монитор, и муж рассмеялся:

– Ну, не будь ханжой, Лора! Подумаешь – порнушку глянул, делов-то!

Ни в тоне, ни в выражении лица я не усмотрела ни намека на то, что он меня узнал, и почувствовала облегчение.

– Ты ужинал? – перевела я разговор на более безопасную тему.

– Да, спасибо. Может, чаю?

– Нет, я хочу в душ и спать. Очень устала.

– Жаль-жаль... я хотел поговорить, в голове сумбур какой-то.

Я почувствовала себя обязанной выслушать его – в конце концов, мы не так часто стали проводить вместе время.

– Ну, наливай пока, я быстренько ополоснусь и вернусь.

Разговор оказался довольно странным. И предыдущий разговор о маньяке имел к нему непосредственное отношение. Оказывается, в Сашкино агентство обратилась одна из потерпевших с просьбой помочь ей отыскать насильника.

– И ты взялся?

– Я пока думаю. У меня нет специалистов, работавших или сталкивавшихся когда-либо с такими психотипами.

– А сам?

– А сам я не могу. Понимаешь, Лора, не могу больше в грязи рыться, за время работы в органах наелся этого – во! – Он провел рукой по шее.

В принципе я его понимала. Работа в розыске в свое время очень тяготила Сашу, и, как только он окончил университет, сразу же уволился, благо к тому моменту адвокатская контора уже приносила стабильные деньги и имела клиентуру. Я тогда почувствовала, как ему физически стало легче жить. Так что и сейчас я прекрасно понимала его нежелание связываться с делом о маньяке.

– Но ведь дело же завели в уголовке? Так пусть они и ищут.

– Да я так ей и сказал. Но она настаивает, сказала, что в уголовке не преуспеют, а в частном порядке вполне можно.

– Слушай, я не думаю, что это вообще в компетенции частных сыщиков. Тем более что случай уже не единичный.

– Вот я на это и сослался. Но что-то мне подсказывает, что она так и будет ходить к нам как на работу.

Я поднялась и обняла мужа за шею:

– Саш... ну, походит – и перестанет.

– Надеюсь. – Он чмокнул меня в запястье. – Пойдем спать, а то я завтра рано уеду.

* * *

Как легко оказаться заложницей собственной жалости... Я его жалею – и всегда в ущерб себе.

Костю осенила очередная мысль.

– А давай мы ангела сделаем? Крылья черные есть, белый латекс, сапоги – и я тебя вон на том крюке зафиксирую, чтобы как будто в полете.

У меня проскользнула мысль, что надо отказаться, но потом, когда я взглянула в горящие азартом глаза Кости, поняла, что не могу убить его идею. И согласилась. И в итоге через десять минут съемки оказалась на полу с вывихнутым плечом.

– Что ты, придурок, даже ремень нормально затянуть не можешь?!

«Отличный» хирург испугался так, что мне стало уже не больно, а его жалко. Костя забыл начисто, что надо делать, – вот тебе и безопасный секс с врачом! Потом стало еще смешнее: он позвонил приятелю-травматологу, который приехал с обезболивающим и огромной иглой-трехгранкой. Когда врач стал мне колоть в сустав лекарство, Костя едва не вырубился. А кололи-то мне, между прочим! Причем еще и мизансцена была та...

Я в белом латексном комбинезоне и с черными крыльями за спиной, рука отдельно от туловища, на запястьях следы, а в комнате... кошмар – бардак садиста, какие-то ремни валяются, маски – черт-те что! (До сих пор не знаю, что подумал о нас Владик.)

Самое неприятное заключалось в том, что прийти домой в повязке я не смогу, придется терпеть сумасшедшую боль и быстро лечь в кровать, сославшись на недомогание. Костя, разумеется, будет присылать эсэмэски всю ночь, телефон чуть не взорвется... как всегда.

– Я тебя люблю, ты знаешь?

– Не выдумывай.

– Я не выдумываю.

– Ты придумал меня, и это тебе нравится. Ты не меня любишь, а воплощение своих фантазий, то, что по другую сторону объектива. Я не такая, Костя, и ты это знаешь.

(Черт, я ненавижу это, меня не заводят вербальные выражения эмоций, красивая болтовня, я люблю действие, а не слова, потому что переговорить меня ему не удастся – не та подготовка.)

– Иди сюда, – он тянет меня с пола на кровать, забрасывает мои руки себе на шею. – Духи новые?

– Старые.

– Нет – они не так пахли раньше.

– Ты просто редко на это обращаешь внимание.

Я знаю, что теперь уже ничего не будет – никакого секса, ничего. Он просто ляжет на кровать, уложит меня сверху так, как есть – в наручниках, – и будет смотреть мне в лицо. Я его ненавижу за это, хотя должна бы, наверное, любить. Поэтому я и не впускаю его в мою эмоциональную сферу – чтобы не поехала крыша у меня. Равновесие удерживаю, так сказать.

– Скажи мне, чего ты хочешь сейчас?

Да ничего уже не хочу, неужели этого не видно?! Вообще – ничего!

– Не молчи – я ведь вижу...

У меня болит голова от его вопросов, все раздражает.

– Сними наручники!

– Нет! – моментально реагирует он, поняв, что непростительно расслабился. Знает, что стоит только ему снять «браслеты», я встану и уйду. Для вящей убедительности второй парой он пристегивает меня к спинке кровати. Неудобно, черт, и плечо начинает болеть... Он больно целует меня в губы – вот, опять придется пользоваться красной помадой, иначе будет видно... В глазах Кости что-то такое светится, чего я никак не могу понять. Я его не боюсь – и никогда не боялась, что угодно – но только не это. Я знаю, что его это жутко злит, просто вымораживает. Ну, я уже все сделала, чтобы его из себя вывести! Бесполезно... Человек-кремень, елки зеленые... Ну не могу я открытым текстом сказать: ну, вот такая я дура!

– Мне так нравится смотреть на тебя, когда ты вот так лежишь... Так бы сидел и смотрел... – «Фуууу, да что ж такое-то?!»

Глаза у него такие темные становятся, когда он начинает бормотать вот это «пра лубофф»...

(Господи, какая же я циничная! Ну, как так можно, а?! А все просто: мне уже не нужны его слова, его чувства – это все я хотела иметь раньше, а получила – что? – правильно, свадьбу через месяц после разрыва со мной. Отлично!)

Он берет плеть и раскладывает ее на моем теле – рукоять на груди, как раз по центру, хвосты – вниз, веером. Эстет, елки...

Достает фотоаппарат... Тьфу ты – опять прибавление в архиве!!! Ненавижу фотографии, просто ненавижу!!!

– Ну, ты хоть притворись, что тебе в кайф...

Да как я могу притвориться, если я просто в гневе уже?! Нет, чувствую, скоро я изменю своим привычкам.

Он уходил от автобусной остановки быстрыми шагами, но не особенно опасался погони. Оставленная им в канаве за кирпичной беседкой девушка была так напугана, что вряд ли вообще сейчас соображала, что делать. И уж точно не думала о том, как его догнать.

Он отдавал себе отчет в том, что снова сорвался. Что долгие годы жесточайшего контроля пошли прахом. Но в этот раз у него не оказалось сил, чтобы совладать со рвущимся изнутри зверем. ЭТО всегда было сильнее его. Если бы он мог довольствоваться проститутками, готовыми на любые безумства за деньги... все было бы легче и проще. Но нет! Вид продажных жриц любви выводил его из себя, он не мог без брезгливости думать о том, сколько людей до него покупали это тело и что делали с ним. Грязь он не любил. Нет, проститутки решительно не годились!

Он оправдывал себя тем, что не убивает и не калечит своих жертв – как будто то, что он делал с ними, не уродовало душу и психику. Но раз он не мог получить это от той, что была нужна по-настоящему, то – какой выход?

* * *

Летом в прошлом году.

– В лес поедем сегодня.

Это говорится таким тоном, словно я обязана подпрыгнуть от счастья. Я ненавижу все эти природные ландшафты. Меня не заводит процесс под кустами, в лесу или где-то еще. Но выбора-то нет, разумеется.

– Тебе будет хорошо, не переживай!

Я уже давно ни за что не переживаю – смысл? Все равно он сделает так, как хочет.

Жарища под тридцать с лишним, все липнет к телу – июль просто кошмарный. Я в шортах и короткой майке, в босоножках на пробковой танкетке. Волосы отравляют всю жизнь, приходится их собрать и заколоть на макушке.

– Меня посадят, – замечает Костя, имея в виду, что в таком виде мне совсем мало лет на первый взгляд.

– За все остальное не сажают? – я намекаю на арсенал в багажнике его старой «Висты», и он смеется.

– Задери ноги на панель, – требует он, проехав пост ГИБДД.

– Зачем?

– Оглохла?! – орет он так, что я и правда глохну на секунду и вскидываю ноги на переднюю панель.

– Надо было юбку надевать, – ворчит он, пытаясь расстегнуть «молнию» шортов. – Что у тебя за стиль – как пацанка какая-то? Надела бы юбочку...

– Ага – и лучше без белья, да? Вот бы ты торчал...

Через час я лежу на капоте, от которого исходит такой жар, что я чувствую себя шашлыком или чем-то запеченным на листе. А Костя сидит в шезлонге с банкой безалкогольного пива и наблюдает. Интересно ему, как скоро я зажарюсь, что ли?

– Мне жжет спину...

– Замолчи! Ты мне мешаешь!

Я замолкаю, разумеется. Он подходит и выливает пиво прямо на меня – черт, оно едва не шипит на капоте, стекая струями под спину. Запах... фууу, я теперь как вяленая вобла...

Сейчас достанет свой мольберт и начнет наброски делать – вот как пить дать! И это значит, что еще пару часов я в таком виде пролежу на жаре. А мне нельзя, между прочим. Но он это помнит, поэтому прихватил огромную простыню, которую периодически смачивает водой из канистры и накидывает на меня. Я знаю, что больше всего ему нравится, как мокрая ткань облепляет тело – это его всегда заводило. Но мне вообще-то жарко, и дышать уже тяжело. В очередной «подход» он вдруг берет кисть и начинает рисовать прямо на мне – знает, что я терпеть не могу таких прикосновений. Я ору на весь лес, кажется, но он не обращает внимания. Через двадцать минут вместо груди и живота у меня – черная кошачья морда, я это вижу в протянутом зеркале. Ну почему я не могу его любить – такого талантливого и способного? Ведь он во всем такой – и врач он просто классный, да и вообще...

Потом мы... черт, даже словом таким называть как-то неудобно – это не секс даже, а что-то...

– Ну, скажи мне хоть раз... – стонет он, одной рукой держа меня за шею, а другой прижимая к себе снизу. – Неужели так тяжело? Просто возьми и скажи...

Чувство идиотского противоречия заставляет меня промычать что-то типа «я тебя, сука, ненавижу». Он идет ва-банк, благо руки мои надежно зафиксированы и ничего я ими не смогу сделать – ненавижу, когда меня целуют в лицо, едва прикасаясь губами к коже, никому не позволяю... Господи, да за что же мне это все?!

Кстати, о рисунках: он иной раз делает такие сумасшедшие коллажи из фоток... И вот я как-то сдуру выложила в ЖЖ такой... И что я вижу через месяц, гуляя по форумам? Правильно – фотку, на которой я действительно в объятиях Кости, в качестве аватарки у какой-то малолетки! Я почувствовала себя так, словно с меня кожу содрали, честное слово! Поэтому теперь мой ЖЖ в режиме «френд онли». Хотя это странно для человека, чьими фотографиями Интернет полон под завязку. Или дело в том, что с теми снимками я себя не ассоциирую? Мол, лица нет – так и говорить не о чем? А здесь были мы – такие, как в жизни, целующиеся под дождем на фоне серого города. И мне стало жаль этих искренних эмоций. Они принадлежали только нам двоим, мне и Косте, а кто-то взял и воспользовался. Да, я иногда до глупого сентиментальна.

* * *

Костя пропал. Просто взял и исчез, не объясняя причины. Телефон молчал, на работе сказали – взял отпуск на неделю. Да, он и раньше вот так исчезал, потом появлялся. Я никогда ни о чем не спрашивала – считала ниже своего достоинства опускаться до кухонных разборок с любовником. Меня даже никогда не интересовало, есть ли у него еще кто-то. Но почему-то именно в этот раз я почувствовала, что скучаю. И решила на то, чего обычно не делаю. Я поехала на съемную квартиру, которую Костя арендовал специально для наших с ним встреч. Это была большая «двушка», в маленькой комнате оборудована спальня, а в гостиной мы обычно проводили фотосессии.

Я бродила среди привычных уже вещей вроде старинной кованой спинки кровати, которую Костя притащил откуда-то, ошкурил и заново выкрасил серебряной краской. Каждая такая вещь помнит мое прикосновение, хранит энергию моего тела... Вот валяется рубашка Кости – желтоватая льняная рубашка, в которой он обычно работает. Хотя я предпочитаю видеть его по пояс обнаженным – у него хорошая фигура, над которой он постоянно трудится в качалке.

Присев, чтобы поднять рубашку, я увидела, что из тумбы, где хранится фотооборудование, торчит какой-то светлый клочок. Любопытство или природная аккуратность взяли верх, и я

распахнула дверцы, через секунду с визгом отпрянув к стене. Мне под ноги выпал свитер, все рукава и грудь которого были в кровавых пятнах. Свитер принадлежал не Косте...

От ужаса я перестала соображать. Вот не его свитер, на нем кровь... Он сам уже три дня не звонит и не присылает мне эсэмэсок, на которые обычно не скупится, что, ну вот что я должна теперь думать?! Идти в полицию? Что я там скажу? Что любовник пропал? А если до Сашки дойдет? То-то радости у мужа будет...

Черт, как мне быть?!

И тут в кармане зазвонил мобильный, от звука которого я вообще едва сознание не потеряла. Трясущимися руками я вывернула аппарат из кармана и глянула на дисплей – номер оказался мало что знакомым, так еще и не местным. Кто это?!

– Алло...

– Заинька, как ты там, любимая?

Я еле удержала рвущиеся из груди экспрессивные выражения.

– Какого черта...

– Погоди, родная, я все объясню. Я тут у приятеля, скоро вернусь.

– Ты что – идиот?! Ты не мог мне сказать, что уехал?!

– О, зайнька, а ты все-таки не настолько бесчувственна, как пытаешься выглядеть, – радостно заявил Костя, довольный тем, что сумел вывести меня на эмоции. – Ты не переживай, со мной все в порядке, я вернусь через три дня. Целую тебя.

Все, в трубке тишина. Попытка набрать номер заново не увенчалась успехом – телефон был отключен. И я поняла, что не успела сказать Косте про свитер...

* * *

За три часа можно успеть все. Можно поругаться, помириться, заняться умопомрачительным сексом. Снова поругаться.

Ненавижу разборки! Особенно в том виде, как их любит проводить Костя. Вот честно – в этом малодушие и несостоятельность всей мужской половины человечества. Костя – слишком мужчина, чтобы вести себя как-то по-другому. В результате этого мы имеем следующую мизансцену: он сидит в кресле, я – перед ним, растянутая по стене за четыре конечности. Это мы собирались, видите ли, «Муху-Цокотуху» в варианте «фетиш» изображать! Да вот только Костя передумал. И он тоном, не допускающим никаких возражений, выговаривает мне за всю неделю, что я посмела его игнорировать после возвращения, и за то самое воскресенье в «Панчо», когда он сам так упал в моих глазах. Я вижу, как ему хочется сейчас меня ударить – по-настоящему, со всей дури и желательно по лицу. Но он сдерживается. За годы отношений он стал практически виртуозом – если бьет, то так, чтобы синяков не было, потому что мне нельзя. Так что в этом деле он превзошел все и вся.

– Не смотри на меня так, – требует он, потому что я опять забылась и подняла глаза – и какой уж тут вообще разговор о покорности, ага, сейчас!

– Я больше не буду...

– Прекрати детсад! Ну, так и о чем и с кем ты разговаривала в субботу?

Во-первых, ненавижу этот еврейский заход «так и о чем», во-вторых, да, разговаривала, а если скажу с кем, ты не обрадуешься. Молчу.

– Слушай, ну хватит уже! Я не люблю эти партизанские игры, ты ведь знаешь! – Он встает и подходит ко мне, шупает пальцами вывихнутое раньше плечо. – Не вышло, нормально все? Может, ослабить чуть-чуть?

Да что ж за мода-то? Или не делай, или потом не спрашивай и не оправдывайся! И с поцелуями тоже перебор, если честно...

Садится обратно, закуривает – снова начал курить совсем недавно, хотя успешно бросал и не терпел около двух лет, постоянно ругая меня за вредную привычку.

– Хочешь? – Он показывает сигарету, и я киваю. Затягиваюсь так, что в голове мутится. – Ну, продолжаем разговор. И с кем?

Ой, да на ты, получи! Вываливаю ему всю информацию и с интересом наблюдаю за реакцией. Мальчик в бешенстве – не подозревал о моих знакомствах, наивный...

– И давно это у вас?

– Что?

– Общение такое тесное.

– Что ты имеешь в виду? Она вообще в Москве!

– Да при чем тут... Что – в расстоянии дело?

– Костя, ты все границы переходишь...

– Молчать! – Ох, елки... всерьез разозлился... – Можно подумать, задурить тебе мозги она не может на расстоянии!

Такая глупость – ревновать меня к виртуальным приятельницам, которым несть числа! Да, болтаю в аське с девушкой, зацепившей меня схожим мировоззрением, – и что тут такого? Имею право, кстати.

Костя отвязывает меня, сказав, что работать передумал. Я падаю на пол лицом вниз. Поворачиваю голову и смотрю на часы, пытаюсь подняться, и вдруг спину обжигает резкий удар.

– ...твою мать!!! – Господи, откуда у него эта чертовщина – там грузило на конце, что ли? Что он вообще себе позволяет?!

– Ой, итить... больно? – Он дует мне на спину, и я чувствую, что там кровь, потому что течет что-то. – Ни фига себе... Лорка, я ведь распорол прилично... Сейчас...

– Только йодом не заливай, у меня аллергия! – Я встаю и пытаюсь рассмотреть, что же именно у меня на спине.

Черт... вот это да... рассек кожу от лопатки до поясницы наискосок... твою мать... Не то чтобы больно, но что я дома-то говорить буду?! В партизан играли, под «колючкой» лезли?

– Давай «пантенолом» зальем?

– Ты посмотри, урод, что ты наделал! Как ты вообще посмел?! Что я теперь буду дома врать, а?!

– Ладно, не ори, сейчас... да дай ты мне посмотреть нормально! – Он шлепает меня ладонью по заду и толкает на кровать лицом вниз. – Черт, а... я тебя сейчас расстрою...

– Только не говори, что там шить надо!

– Нет, шить не надо, к счастью. И шрама не будет – у тебя жира нет, нечему долго зарастать. Просто кровит очень сильно... Больно? – Я чувствую, как он касается губами. Щиплет, елки... – Лор, ну ты бы хоть заплакала, что ли... Хоть чуть-чуть, а?

Я не хочу плакать, вообще ничего уже не хочу. Да, секса тоже не хочу, но ему все равно. Странно, что хирурга так возбуждает вид крови...

Десять минут... все в крови – простыня, я, Костя... ужас, как на бойне...

– Пойдем в душ...

Стоим под водой, обнявшись, – это уже вообще как-то неправильно...

– Почему ты такая, а? Ты действительно меня не любишь? Или тебе просто нравится меня доводить?

Я опускаюсь на колени и смотрю снизу вверх – знаю, насколько сильно его это заводит. Он вцепляется пальцами в волосы, притягивает голову к себе.

Ну не могу я ему сказать! И не люблю я его – я вообще никого не люблю. Вот такая я сука... Я могу любить только себя. Больше – никого. И Костя – не исключение. Мне с ним хорошо, да... Но какое отношение это имеет к любви? Никакого. И чем больше он говорит об

этом, тем сильнее я понимаю, что вообще нет никакой любви. Раньше, когда мне было семнадцать, я его любила. Он все жалел, что учиться будем в разных вузах – он поступал в медицинский, а я на юридический, однако половину пути мы могли ездить вместе. Утром встречались на остановке, забивались в переполненный автобус, тесно прижавшись друг к другу, и украдкой целовались. Мне казалось, что это будет длиться вечно. Мы не заговаривали о женитьбе, нам и так было отлично. И все шло хорошо, так хорошо, что все сказки мира казались недостаточно романтичными.

А потом я влюбилась. Влюбилась, как дура, ослепла, оглохла... И вышла замуж. Ненадолго, на полтора года всего. Ходила с синяками на лице, с вечными кровоподтеками на запястьях и на шее – муж быстро начал пить и в таком состоянии крепко поколачивал меня. Я терпела, думала, что исправлю, вылечу. Потом устала и развелась.

Костя ничего не сказал по этому поводу. Простил...

Из-за чего мы сильно поссорились, я уже не помню. А через месяц я узнала, что он как-то очень уж поспешно женился. Даже не помню уже, было ли мне больно. Я просто знала, что он вернется рано или поздно, потому что так, как со мной, уже не будет.

Он вернулся пять лет назад... Вернулся очень оригинально – именно так, как должен был. Поймал меня в больнице, когда я шла с консультации – лечила тяжелый бронхит. В больничном подвале-переходе полно таких закутков, где никто не увидит и не услышит...

Я не успела ни сказать, ни крикнуть – вообще ничего не успела, только получить ни с чем не сравнимый оргазм, фантастически быстрый и сильный. И меня это даже не шокировало в тот момент, хотя должно было, наверное... Я тогда спросила Костю – зачем? И он не стал выдумывать:

– Потому что ни с кем не могу уже. Даже с женой все не так.

Мне это совсем не понравилось, если честно – я не хочу быть причиной чьего-то несчастья (вот такая я лицемерная тварь).

А потом я оказалась в его съемной квартире и ни на секунду не усомнилась в том, что Костя снял ее для нас. Просто я привыкла ему верить.

Костя развернулся в этой квартире во всю силу таланта и фантазии... Решетка на окне – изнутри, кованая, стоит, как полквартиры. Стены вручную расписаны под подвал – кирпичами... Ну и все остальное-прочее... Короче, парень он с фантазией, чего уж там! И антураж любит еще сильнее, чем я...

Вот так... он меня простил, а я его – нет. Думаю, как раз за это – за то, что простил, забыл, не упрекнул... И никогда не прощу, наверное...

* * *

Я не знаю, как бы мы жили, если бы поженились. Скорее всего – никак. Потому что какой интерес жить вместе людям, которые угадывают желания друг друга? Когда один подчиняет, а другой подчиняется, не раздумывая? Это быстро приедается, наверное. Ну, в чем кайф, если я буду точно знать, как именно пройдет ночь? А так всякий раз что-то новое...

Летом на озерах встретились. Он с семьей, я одна. Столкнулись на пляже, я прямо озверела – отдохнуть приехала, а тут он, да еще с ребенком... Как будто забыла, что в это время он всегда там отдыхает. В позапрошлом году славно мы время провели... Костя снял номер в пансионате, а я жила на турбазе – всегда там живу, много лет уже из года в год. Такого блаженного кайфа у меня уже давно не было. Вдвоем, три дня, не расставаясь ни на секунду. Никогда прежде мы не проводили столько времени вместе, в одной кровати, когда засыпаешь, даже не успев толком оторваться друг от друга. И с утра – по новой... на пляж за ручку, как подростки, на обед – за ручку... и так все три дня.

Он меня рисовал на балконе, усадив с раздвинутыми ногами в кресло, а в этот момент на соседний балкон вышел какой-то дедулька и завопил – мол, устроили тут разврат... Костя только посмеялся:

– Дед, зависть – хреновая вещь.

И дед уморил нас, заявив:

– Эх, мне бы твои годы – отодрал бы твою козу валдайскую за милый мой!

Потом, когда дед ушел с балкона, Костя сел на пол перед креслом и долго меня целовал, заставив зажать зубами карандаш, иначе я перебудила бы весь пансионат своими воплями.

Когда на него находит вдохновение, он заставляет меня часами стоять или лежать в какой-нибудь дикой позе, а сам рисует, рисует... Меня очень удивляет – почему он не пошел в институт искусств, а рванул в медицинский? Он по-настоящему талантлив, насколько я в этом разбираюсь. И в медицине, и в рисовании, и в фотографии. В последнее время увлекся всякими фотошопами – вставляет мои снимки в разные фоны и интерьеры, делает из меня что угодно – от демонов до ангелов. Правда, все в темных тонах – он меня только так видит. Этими снимками и картинками завешана вся стена в комнате, и у меня порой крыша съезжает, когда я болтаюсь на стене напротив и вижу вокруг себя.

Я думаю, Косте нравится не столько процесс, сколько антураж и то, что я, когда надежно зафиксирована, теряю часть своей обычной стервозности и самоуверенности. И он может сделать все, что захочет. Может скроить страшную мину и изобразить злого демона, готового растерзать жертву, а может обнять двумя руками и так стоять долго-долго, пока я не взвою и не начну материться.

Я не боюсь боли... и это скорее плюс, чем минус. В больнице доктор, делая мне пункцию, пришел в ужас, когда увидел, как я внимательно смотрю на иглу, которая входит в мой сустав почти на всю длину, и улыбаюсь.

– У тебя такое лицо, как будто ты сейчас кончишь... (ну, мы с доктором старые приятели, давно знакомы, и он говорит мне все, что ему хочется).

– Представляешь – почти...

– Лорка, ты идиотка...

– Ты не представляешь, насколько прав!

* * *

Но больше всего, разумеется, Косте нравится видеть меня в постели – там его любимое место. Он целует меня, сначала вроде как нежно, потом уже больно, потом так, что вздуваются губы... потом ложится сверху и все смотрит, смотрит... когда я уже готова вот-вот заорать, зажимает мне рот ладонью.

– Тихо... что ты орешь, спятила? Подними руки...

Все, конец свободе... Руки привязаны к изголовью кровати, ноги – к противоположной спинке. Он сам эту кровать выбирал, еще смеялся в магазине: «Может, попробуем, вдруг неудобно?» Представляю...

– Отлично... просто отлично... Слушай, почему в таком виде ты мне нравишься больше, а? – Он отходит и любуется картиной. – Ты даже не представляешь, как это классно смотрится...

Отчего же, очень даже хорошо представляю – я вернулась из Греции, у меня потрясающей красоты ровный загар... Я недавно заново покрасилась в иссиня-черный цвет, и это в сочетании с «мокрой» химией – просто полный кайф, я даже сама себе нравлюсь.

Один минус – в спальне сегодня обитает любимый дядя Кости, запойный алкаш Серега, которого племянник иногда выводит из запоя при помощи капельниц. Обычно Серега не покидает пределов комнаты, если я здесь, но сегодня у него, видимо, форс-мажор. А Костя только

установил свет, настроился на работу, и в этот момент распахивается дверь, и на пороге возникает... Серега, пьяным голосом произносящий:

– Котя, племяш, на бутылку бы... – и осекается, увидев мизансцену – на кровати почти голая я, прикованная за руки, а рядом – дорогой племянник, в руках у которого фотоаппарат... – Итить твою мать! Вы что тут устроили, а?! – трезвеет Серега безо всякой опохмелки.

– А ну, на хрен катись! – Костя едва сдерживает смех и в шутку замахивается попавшим под руку ремнем от кофра на дядюшку, который, заметно струсив, выскакивает за дверь и уже оттуда вопит:

– Сатанисты, ити вашу мать!

Костя закрывает дверь на ключ и валится на меня сверху, уже не сдерживаясь:

– Урод! Испортил все! – и хохочет во все горло. – Ты бы видела его рожу, Лорка... полный отпад...

– Слезь с меня, я задохнусь...

– Отличная мысль... – Он встает с кровати и снова лезет в шкаф, доводя меня скрипом до истерики. – Подними голову... – Черт, я ненавижу эту маску, она тесная и вообще... – Супер! Переворачиваемся... – Он отстегивает руки, переворачивает меня на спину, снова застегивает наручники на трубе кровати. – Ноги не буду фиксировать, ага? – Он еще и спрашивает! Да что сегодня такое вообще? Целует меня в живот, и я вздрагиваю – контраст... – А ты все-таки зря оперироваться не хочешь...

– Если ты еще хоть слово вякнешь, я встану и уйду! – шиплю я, и он усмехается, поглаживая меня по груди:

– Как? Трубу вырвешь?

– Да легко!

– Ну, ты-то можешь, кто бы спорил?

Я люблю его руки, не знаю почему, но мне нравится, когда он касается меня руками, а не чем-то там еще.

* * *

Город замер. Слухи о маньяке разносились со скоростью эпидемии гриппа, а количество пострадавших уже могло конкурировать с населением небольшого района. Сашка, возвращаясь с работы, иногда рассказывал мне то, что слышал от приятелей. Убитых не было. Этот странный маньяк не лишал жизни свои жертвы, он получал свое – и уходил, оставляя потерпевших в покое. Сашка говорил, что это какая-то особенная форма психического расстройства.

– Мне кажется, он хочет, чтобы его поймали, остановили.

Я не особенно вникала в это – вообще не люблю ни фильмы, ни книги про подобное, не смотрю сериалы. За время адвокатской карьеры мне доводилось пару раз защищать клиентов, обвиняемых в изнасилованиях, и, к счастью, оба раза это оказывались оговоры с целью наживы либо шантажа. От этого мне как-то становилось легче – все-таки никакой кодекс адвоката не мог бы заставить меня защищать человека, совершившего реальное насилие. Собственно, именно принципы заставили меня отойти от дел и передать бразды правления конторой мужу. Ему всегда была ближе фраза про деньги, которые не пахнут.

В отношениях с Костей я неожиданно для него взяла паузу. Позвонила и сказала:

– Исчезни. Просто сделай так, чтобы я какое-то время тебя не видела и не слышала. Я очень устала, у меня сумбур в голове и в душе, мне сейчас очень трудно. Не усугубляй все.

– Но... потом ты вернешься? – и в его голосе послышалась такая тоска и такое отчаяние, что я на секунду усомнилась в правильности решения.

Закралась мысль сказать, что я передумала, не хочу никаких пауз, но потом что-то внутри велело – не делай этого, оставь все как есть, скажи, что подумаешь. И я сказала:

– Если не будешь давить, то вернусь, – и бросила трубку.

Внутренне я готовилась к тому, что Костя, как обычно, не прислушается, начнет обрывать телефон, караулить у клуба, стучаться в аську и писать длинные жалобные письма, которые ему прекрасно удавались. Но, к моему удивлению, этого не происходило. Шли дни, а он не появлялся. Не могу сказать, что я скучала, но в глубине души все-таки хотела хотя бы услышать голос.

Сашка регулярно «баловал» новостями, стал много времени проводить дома, и это насто- раживало. Мой муж уже много лет жил параллельной с моей жизнью, и нас обоих это, похоже, устраивало.

Кроме того, в свое время мы с Костей зарегистрировались на одном городском форуме, где в закрытом режиме общались такие же фотографы и модели, как мы. Это было небольшое сообщество, которое иногда собиралось и в реале, чтобы обсудить какие-то вещи, связанные с эротическим фото. С моим характером друзей я там не завела и даже приятельницами обрасти не сумела, но это и понятно. Женская зависть – она такая... Когда мы с Костей впервые посети- ли такую встречу, оказавшиеся там девицы готовы были убить меня в туалете и похоронить останки в мусорном баке, ну еще бы! Почти двухметровый культурист-красавец Костя был лакомым кусочком для любой женщины, а уж его умение фотографировать делало его почти Богом в глазах моделей. И они наперебой стали предлагать себя, не стесняясь ни меня, ни даже собственных фотографов. Меня это смешило – я была уверена в себе и в Косте, мы слишком давно вместе, чтобы какая-то деваха могла стать причиной нашего разрыва. Костя, в общем- то, тоже никак не реагировал, хотя, безусловно, был польщен. Он даже показывал мне письма, которыми его закидывала одна особо рьяная мадам с пышными формами. Ник ее на форуме был Барбита, и над этим Костя довольно жестко издевался – мол, Барби-переросток. И вот как раз в тот момент, когда я решила отдохнуть от Кости, эта самая Барбита и разразилась на форуме рассказом о том, как провела на днях «исключительную фотосессию с самим масте- ром Константином».

Не скажу, что я испытала укол ревности. Я просто не поверила в это. Слишком уж хорошо я знала Костю, чтобы заподозрить его в таких делах у меня за спиной. Удивило другое – зачем она врет, если я легко могу опровергнуть эти слова? И Костя может тоже. Странные существа – женщины.

– Помоги мне... я не могу так больше, я не знаю, что делать с этим...

– Успокойся и не истерить. Когда это началось снова?

– Недавно... я держался, много лет держался, делал все, как ты советовал. Помогало, а тут вдруг... снова...

– Возьми себя в руки. Кто-то знает, где ты?

– Нет...

– А она?

– И она. Тем более – она! Что я буду делать, когда она узнает, если узнает, а?!

– Хватит. Прекрати эту куриную истерику, смотришь противно.

– Помоги мне...

Тяжелый вздох, щелчок зажигалки, долгая пауза.

– Иди к столбу.

* * *

Моего запала хватило примерно на две недели. Все это время я себя чувствовала не в своей тарелке, не находила места, много курила и вообще сделалась дерганой и нервной. Сашка даже замечаний по поводу неизменной сигары в пальцах не делал, хотя обычно ругал.

Сам он снова стал задерживаться на работе, пару раз являлся под хмельком, объясняя свое состояние расплывчатой фразой «посидели в бане с ребятами». Будь я чуть менее погружена в свой внутренний мир, непременно бы заподозрила неладное, но мне было не до Сашки с его фортелями. Зато моя мама была во все колокола – ей казалось, что мы непременно разведемся и случится это буквально на днях. Никакие доводы ее не убеждали, и она очень боялась, что я останусь одна.

На самом деле ни о каком разводе речь никогда не заходила – мы с Сашей научились жить, не мешая друг другу и даже создавая некую видимость благополучной семьи. По сути, у нас не было причин для развода – мы не ссорились, не делили ничего. Просто за двенадцать лет привыкли, наверное, и подустали. Бывает...

И вот, когда я уже была совсем невменяема от самокопания, явился Костя. Он позвонил так, как будто мы не расставались:

– Привет, зайчика. Ну, как ты там?

– Костя... Господи, Костя...

– О, смотрю, расставание пошло на пользу! Ты была права. Я чуть с ума не сошел от тоски, вот, сегодня решился – позвоню. Ответишь – значит, все хорошо будет.

– Ты... хочешь увидеть меня?

– Ты еще спрашиваешь? Собирайся, я заеду через полчаса.

Мне уже было все равно, что подумает, вернувшись с работы, Сашка – я лихорадочно натягивала кожаные брюки и белую водолазку, застегивала сапоги и буквально на бегу попала в рукава пальто.

Господи, какой же он красивый... всю дорогу до квартиры я сидела в машине боком и рассматривала его лицо. На фоне смуглой кожи выделяются голубые глаза. И черные волосы подходят к ним, придавая лицу какую-то загадку. Мне очень нравится, как он чуть прикусывает нижнюю губу, ведя машину... И какие у него ресницы...

– Не могу понять – ты на самом деле так соскучилась, что изучаешь меня как под микроскопом? – усмехнулся Костя на перекрестке, когда мы пережидали красный сигнал светофора.

– Ну, я не совсем уж бесчувственная...

– Тогда поработаем немного? Есть заказик...

В последнее время Костя ухитрялся находить каких-то, как я это называла, «воинствующих извращенцев», которые платили деньги за снимки «под заказ». То есть заказчик присылал подробный сюжет, а мы уже воплощали его в фотографиях. Эти деньги я называла «грязными бабками» и никогда не брала того, что причиталось лично мне. Костя же поступил просто: открыл счет на мое имя и вносил эти деньги туда, говоря, что они вполне могут пригодиться мне – при моих-то проблемах со здоровьем. Я не отказывалась, но принципиально не брала со счета ни копейки.

И сегодня я не смогу ему отказать. Я слишком соскучилась по его рукам, по его телу, поэтому буду делать все, что он скажет.

...Зря. Зря я так слепо доверяю ему. Костя совершенно не умеет держать слово. Я прочитала сценарий фотосессии, и мне не понравились финальные моменты – на них в кадре появлялась плеть и следы от нее. Я не сторонница подобных игр, даже если глубоко внутри себя и хотела бы, наверное. Нет – и не с Костей. Я так и сказала – не буду это делать. И он согласно кивнул – мол, конечно, зайчика, как ты скажешь. И, разумеется, когда я расслабилась, он тут же и врезал мне по спине, да так, что порвал не успевший еще полностью затянуться рубец.

Я завизжала, забила от боли, а Костя, поняв, что переборщил, тут же сжал мои руки и начал покрывать поцелуями лицо:

– Все-все, зайчика, прости, родная...

– Ты идиот?! – мычала я, пытаюсь вырваться. – У меня рубец лопнул, мне больно!

– Я сейчас все обработаю, ничего не будет.

Он побежал за аптечкой, оставив меня на кровати, простыни которой уже успели слегка пропитаться кровью. Вернулся Костя с флаконом перекиси.

– Не ори! Я потихоньку!

Да конечно – потихоньку, льет прямо из флакона! Краем глаза вижу, какая у него при этом морда... Нет, этот человек способен ловить кайф даже от медицинских манипуляций – на работе, наверное, просто кончает, когда перевязки делает...

– Укольчик сделать тебе обезболивающий?

Я сдуру соглашаюсь. Он колет мне кетонал, сам уходит на кухню курить, а я лезу в аську, чтобы хоть немного отвлекься. Мы весело болтаем с тремя людьми, и я незаметно засыпаю – кетонал меня всегда выключает из жизни минут на тридцать.

Открываю глаза – и что я вижу?! Костя сидит спиной ко мне, на коленях у него ноутбук, и он пишет в моей аське! Это перебор! Я пинаю его ногой в спину, получаю по лицу, ноут летит на постель, а Костя – из комнаты. Я слышу, как поворачивается ключ... Сволочь, мне же нужно на работу!

Ногой я достаю ноутбук, начинаю читать, что и кому он написал. Урод... сбылась мечта идиота – пообщался с Геллой, моей подругой по переписке! Идиот! Так-с... что еще и кому он успел написать? Одна из собеседниц без лишних разговоров послала моего любовника по известному адресу, велев прихватить ведро вазелина. М-да, с чувством юмора все прекрасно... Ну, Вике, кажется, ничего не написал – не нашел, к чему прицепиться, и кто такая Вика – понятия не имеет. Замечательно...

Взрываюсь и пишу Гелле всякую ерунду – во мне просто кипит все от злости. Костя – идиот! Не читай на ночь «Жюстину»! И вообще де Сада не читай! Он тебе мозг разъедает!

Уф... кажется, меня отпускает... Но как мне на работу попасть, граждане? Я даже одеться не смогу – ну, джинсы-то натяну, а дальше? На спину-то нужно хотя бы наклейку сделать, а самостоятельно я не справлюсь. Кошмар...

Он возвращается в половине шестого. Молча берет салфетку и лейкопластырь, делает повязку на рану. Я лихорадочно одеваюсь, сую даже не выключенный ноут в сумку, натягиваю сапоги, пальто и собираюсь уже уходить, как вдруг меня какой-то черт толкает под локоть... Я перевешиваю сумку на другое плечо, беру плеть и со всей дури вытягиваю расслабившегося Костю по спине. Он орет от неожиданности и от боли – забыл, что нельзя ко мне спиной сидеть... Но едва он кидается ко мне, чтобы воздать по заслугам, как я, вообще уже ничего не соображая, бью его плетью по лицу... Он зажимает лицо руками, а я во весь опор бегу из квартиры. Прихожу в себя только на площадке первого этажа – ну, я спортсменка – на каблуках с шестнадцатого бегом... В руке плеть, и это вообще меня добивает. Я начинаю истерично хохотать, потом сую орудие в мусоропровод и выхожу из подъезда. Благо до работы всего пять минут на такси...

* * *

Ну если я думала, что Костя успокоится на этом – то я слишком плохо разбираюсь в людях...

Сижу на работе, время к семи. Звонок по телефону – муж. В командировку, видите ли, он уже едет – на своей машине уперся, хотя ехать почти сутки.

– Ты почему раньше не позвонил?

– Закрутился, не успел. Решил – по дороге наберу. Я ненадолго, вернусь через полторы недельки максимум. Клиент хороший, денежный, а дело, кажется, плевое.

Ладно... Тем лучше для меня – хоть спину подлечу спокойно.

Заканчивается урок у второй группы, я сижу себе в кабинетике – кофеек, сигарка, все дела... Вдруг дверь кабинета распахивается – и на пороге Костя с искривленной от злости рожей. Я так опешила, что даже со стула встать не смогла. Он же хватает меня за плечи и трясет, как грушу:

– Ты... ты... я тебя...

– Слышишь, ты, ненормальный! Руки свои убери от меня, иначе я сейчас заору – и костей не соберешь! У меня тренеры – парни крепкие, могут помять.

– Не угрожай мне, слышишь – никогда мне не угрожай, ты, сучка! Ты сейчас оденешься и со мной пойдешь!

– Ни фиги!

Раз-раз – по щекам, только голова туда-сюда.

– Я сказал – быстро шмотки свои бери! Не вынуждай меня опускать тебя прямо тут, при твоих мальчиках!

– Да попробуй только!

Он хватает меня за горло. Только этого не хватало...

– Убери руки, я сама пойду.

– А сразу ты не могла так сделать?

Он вынимает у меня из пальцев сигару, прикладывает к ней пару раз:

– Фу, что за понты у тебя такие? Сама с эту сигару толщиной, и такая хрень во рту! Ты чего взъелась на меня сегодня? Чуть по глазу не хлестнула! – демонстрирует след от плети на щеке и виске – в самом деле, чуть выше и правее – и в глаз бы...

– Я же просила – не беси меня!

– Я ничего не сделал такого, чтобы ты так взбесилась.

– Ты считаешь, что имеешь право лезть в мою жизнь? Контролировать мои разговоры, мое общение? Зачем ты полез в аську?

– Мне было интересно, о чем и с кем ты ухитряешься трепаться, когда не общаешься со мной. И особенно меня интересовал один твой разговор – знаешь, с кем?

– Знаю – и что? Она тебе объяснила?

– Очень вежливая девушка, чего вот о тебе не скажешь.

– Сильно хочется казаться круче? – Я уже оделась и пытаюсь натянуть сапог. Но он никак не желает натягиваться на кожаные брюки, я нервничаю.

Костя берет мою ногу и сам начинает тянуть узкое голенище вверх. Я не могу удержаться от злой иронии:

– Негоже вам, господин крутой фотограф, так опускаться! Я сама в состоянии обуться.

– Да хватит тебе, – морщится он. – Что ты даже от слов-то так бесишься?

– Да я не от слов бешусь – я бешусь от твоего отношения. Ты путаешь понятия – никакого...

– Знаю-знаю, мне твоя подружка все объяснила – мол, повезло мне, что такая девка и все такое... Хорошо, я же сказал – не буду больше!

– Не пробуй давить на меня морально, мне это не нужно и, более того, противно. Это меня бесит, понимаешь? Бе-сит!

Он обнимает меня и прижимает к себе, пытаюсь поцеловать:

– Ну, успокойся, зайнька, я же сказал... больше не буду пробовать даже. Поедем, я там ужин заказал... потом отвезу тебя домой.

И тут я неожиданно радую его так, как он даже не ожидал:

– А я могу домой не ехать сегодня. И всю ночь могу с тобой провести, если, конечно, ты не против.

– С чего бы?

– Муж уехал. Я практически свободна по вечерам на полторы недели.

Он без лишних слов снимает с пояса джинсов мобильник и звонит жене:

– Я сегодня подменяю Юрку, не жди. А завтра мои сутки.

Она что-то кричит, я не прислушиваюсь – мне совершенно неинтересно. Его семья – его головняк, я же свои проблемы на него не вешаю.

– Слушай, дорогой, а ведь ты сволочь... – тяну я, когда он убирает телефон на место.

– Ой, молчи, а? Поехали!

Да, нет смысла терять драгоценное время...

Дома – ужин... Второй подвиг за три дня – Костя заказал суши. Отлично... Но без выкрутасов, разумеется, он не может и не хочет. Появляется виниловый комбинезон, в который я не влезаю, а проскакиваю – с недавних пор он стал мне прилично великоват, хотя считается, что винил не может быть большим. Может – если раньше вы весили килограммов шестьдесят, а теперь всего сорок с небольшим. Ладно – мальчик любит, когда я вся скользкая и блестящая... Пить sake боюсь – неизвестно, что он там еще изобретет, а алкоголь лишает меня инстинкта самосохранения, это совершенно ни к чему.

– Заинька... давай сегодня просто секс – и все... Никаких съемок.

– Ты сейчас пал в моих глазах так низко, что даже не представляешь! Тебе осталось только вылизать мои сапоги.

– Хочешь – я могу.

Сдурел, родимый... Я на него смотрю и понимаю – сейчас все, что я скажу, он сделает. Очень подмывает сунуть ему сапог к лицу. Но ладно – пощадим, а то совсем унизится.

– Не надо, я же не люблю этого.

Но ему определенно хочется сделать что-то, на что в обычные дни он просто не способен. Встает на колени и расстегивает молнию на комбинезоне между ног. Сволочь, я подавлюсь суши...

– Костя, не надо...

– Ш-ш-ш! Тихо, – мычит он снизу. – Не мешай мне...

Я кончаю так, что в голове все плывет и путается. Вот гад – такой талантище скрывал...

И такая рожа довольная...

Я кое-как доползаю до постели и растягиваюсь с ноутбуком. Он убирает со стола и ложится рядом:

– В аську?

– Пока нет. А что?

– Хочу извиниться.

– Попозже. Выйдет Гелла – извинишься. Не мешай, я немного поработаю.

Он откатывается и включает телевизор, а я погружаюсь в составление расписания занятий на следующий месяц.

* * *

Не хочу просыпаться. Просто не хочу – еще рано, рано... На часах – три часа ночи, ну что за зверство?! Я и уснула-то всего на час...

– Костя, не надо...

– Вставай-вставай... хотя нет, погоди...

Он быстро, словно опаздывает на поезд, кончает и сразу же поднимает меня на ноги. Я шатаюсь и чуть не падаю.

– Давай-давай, иди сюда. – Он тащит меня к стене и скидывает мои руки к кольцам. – Ну, постой ты хоть минуту, мне же неудобно... – но я болтаюсь, как тряпка, – хочу спать...

Наконец он все-таки ухитряется зафиксировать меня так, чтобы я наверняка не упала и не вывихнула опять чего-нибудь. Костя целует меня в шею, спускается по груди губами, целует. Черт, я уже снова хочу, хочу...

– Э, нет, подруга, так не пойдет, – он прекрасно знает мою манеру закидывать назад голову и закатывать глаза, особенно когда мне хорошо. – На меня смотри, я сейчас фотоаппарат возьму... Хорошо тебе?

Господи, ну не порти ты все словами! Я с трудом поймала настроение и поняла, чего ты хочешь...

Он не останавливается, то ласкает, то вцепляется со всей силы в губы, причиняя боль, потом снова гладит нежно... Я сейчас сойду с ума... еще минута – и я... да... вот так, да... не останавливайся... А-а-а-а! Он убирает руку, улыбается, глядя на меня – я зла до умопомрачения, была так близко к развязке – и вот тебе... Он садится в кресло, подвигая его ближе ко мне, и подносит к лицу руку, пахнущую мной:

– Заинька... ты такая классная сегодня... Может, тебя нужно чаще злить? Ты тогда просто с катушек слетаешь... – Он смотрит на меня с таким довольным видом, что я злюсь еще больше. – Погоди-ка... – Он встает и направляется к шкафу, достает оттуда кляп. Такую штуковину я уже видела где-то, не могу вспомнить, правда... – Ну-ка... ротик открой... – Сначала он целует меня долго-долго и только потом засовывает шарик кляпа. Мне никогда это не нравилось, скажу честно... – Вот так... а то весь дом перебудишь, людям-то на работу завтра...

Он снова садится в кресло, закуривает и смотрит на меня как-то странно.

– Лора... сейчас все замечательно – ты молчишь, и я тебе скажу все, что хочу. Потом – завтра – сможешь сказать все, что захочешь ты, но сейчас я буду... Я тебя, сука ты, люблю, так люблю, что не знаю даже, как с этим быть... Мне ничего уже не надо – сама видела, ты только заикнулась, что можешь остаться – и я все сделал, чтобы с тобой быть. И все время с тобой буду, пока ты сможешь... Я не могу уже без тебя, мне необходимо вот это все – ты, примочки твои сумасшедшие... Я все буду делать так, как хочешь ты...

Я мычу и дергаюсь – мне жутко неприятен этот разговор, его слова, да все... Он опять портит такую хорошую ночь своими излияниями. Да, я жестокая сука, но мне безразличны его переживания – до звезды они мне! Я не люблю этого надрыва, патетики вот этой, пафоса... Проще надо быть – живи, как есть, не выдумывай ничего...

Костя словно опомнился, встал и приблизился ко мне:

– Да все, я не буду, обещал ведь. На меня смотри! – приказывает он, поднимая глаза, а сам все целует, заставляя меня извиваться. Я пытаюсь сделать вид, что еще не готова – вдруг проскочу, но Костя начеку – едва только я, не выдержав, закатываю глаза, как он тут же останавливается и закуривает. – Курить хочешь? Потерпи, не дам пока. Да и сигару засосала уже.

Покурив, он поднимается и прижимается ко мне всем телом. Я чувствую запах табака, его губы на мочке уха, руку на груди. Я перевожу взгляд в сторону – на часах уже половина пятого... Полтора часа... И когда кончится, неизвестно. Затекают челюсти, я пытаюсь поймать взгляд Кости, но он как нарочно смотрит в другую сторону. Наконец ему, кажется, самому наскучило щелкать затвором фотоаппарата, и он отбрасывает его, снимает меня с колец. Из препятствий остается только кляп, но и его Костя убирает, уложив меня на кровать. Рот еле закрывается, я привыкаю к ощущению свободы и возможности двигать языком:

– Костя... пожалуйста...

– Нет...

– Я тебя умоляю... я сейчас умру...

Стягиваю с него плавки, касаюсь губами – и теперь уже он стонет, вцепляясь руками в простыню, чтобы не вцепиться мне в волосы.

Падаем в изнеможении на кровать, и Костя тяжело дышит – я вижу в темноте, как вздымается его грудь. Я беру его руку и подношу к губам – ну, умею я отыграть, если надо, чего уж там...

Костя переворачивает меня на бок, сам ложится сзади и прижимается всем телом:

– Спи, уже утро...

Он засыпает почти мгновенно, а я еще долго лежу в его объятиях, не понимая, хорошо мне или плохо. Очень хочется курить, и я осторожно выбираюсь из его рук. Свет уличного фонаря пробивается через неплотную штору, освещая спину Кости, и я вдруг вижу множество почти заживших уже тонких рубцов.

* * *

За что я люблю свою работу – мне не надо вставать утром. Это такой плюс...

Мы спим часов до десяти, пока уже через жалюзи не начинает нестерпимо светить солнце. Я открываю глаза и в первый момент даже не сразу понимаю, где я и с кем. Такое у меня однажды было...

Единственный раз в жизни я напилась до такого состояния, что уехала с дискотеки с парнем и осталась у него на ночь... Можно даже не уточнять, что этим парнем был Костя, а я как раз удачно развелась. Ко мне приставал какой-то его женатый друг, нес какой-то бред, Костя мрачнел, я напивалась. Не помню, как мы поехали домой, помню, как возле моего подъезда я вдруг ответила согласием на предложение Кости поехать к нему. Что было в промежутке между этим и последующим пробуждением – не помню. Костя говорит, что я ему открыла много нового... До сих пор не знаю, что именно, хотя подозреваю, что как раз тогда я и сообщила ему о своих пристрастиях.

Сегодня у меня дежавю... Костя лежит на спине, руки вскинуты за голову, и я вдруг чувствую, что дико хочу его – вот прямо сейчас, такого – полусонного. Нырять под одеяло – о, ну там все в порядке... Через пару минут он уже просыпается и тянет меня за плечи к себе:

– Интересно, ты мужу «доброе утро» тоже так говоришь?

Та-ак, вот этого не надо было произносить... Но он тоже видит, что перегнул, поспешно впивается мне в рот губами, а рукой – в грудь.

– Заинька... не сердись, ладно? Спросонья чего только не сболтнешь... Ну-ка, спину покажи.

И эта фраза мгновенно возвращает меня к тому, что я увидела ночью.

– Костя, что у тебя на спине?

Он вздрагивает всем телом:

– Что?

– У тебя на спине какие-то полосы.

– Отлежал, наверное. Не бери в голову, зайнька, это ерунда.

Но он как-то уж слишком поспешно встает и набрасывает рубашку.

После завтрака я лежу на кровати и философствую. Настроение офигительно-прекрасное, все счастливы и все такое... Я разглагольствую о степени доверия, Костя сидит за компом и роется в Интернете.

– Вот смотри: если бы я тебе не доверяла, то и не было бы ничего.

– Почему?

– Да потому! Я тебя сто лет знаю, и ты меня тоже. То есть мы можем с тобой обсудить любой момент и договориться, так? Есть же вещи, которые лично я никогда не стану делать.

– Их слишком много, этих вещей, – бурчит Костя, увлеченно рассматривая что-то на экране монитора.

– Неправда! Просто мы с тобой четко очертили круг, за который нельзя выходить. Но мне кажется, если бы ты знал меня чуть хуже, чем сейчас, то непременно постарался бы перешагнуть через это, и тогда все – доверия нет, дальнейшие отношения просто исключаются.

– Ой, любишь ты во все туману напустить! А Джеральда вспомни...

Я прикусываю язык: точно – Джеральд... Но там не было отношений – какие, к черту, отношения с человеком, которого знаешь неделю? Зато какая фотосессия была... До сих пор вспоминаю как сказку... Кстати, Костя меня напрасно сейчас подколол – это была его идея, его друг, и вообще, не надо валить все в одну кучу.

Года два назад это было... Да, точно, – в октябре. В это время мой муж обычно уезжает в Турцию на десять дней. Мне тамошний климат категорически противопоказан, поэтому я бываю там раз в три года. Соответственно, у меня есть десять дней, в течение которых я могу делать, что хочу. Ну и делаю, разумеется.

Тогда Костя прискакал какой-то возбужденный, нервный и взбудораженный. Я удивилась:

– Ты чего такой?

– Да представляешь... приятель приехал, сто лет не виделись, теперь даже не знаю, как быть...

– А что тут знать? Общайтесь, я вам мешать не собираюсь. Я работаю, между прочим, это ты у нас в отпуске.

– Между прочим, из-за кого это я оставил себе десять дней в октябре, а? Не из-за тебя?

– Даже если это так – то что? Это не я привезла сюда твоего приятеля.

Костя смотрит на меня как-то странно, что-то мне не нравится в его взгляде... Так и есть – подходит сзади, обнимает и засовывает руки под водолазку.

– Костя, что тебе надо, а? – подозрение мое крепнет с каждой секундой.

– Ничего, дорогая, ничего...

Но у Кости явно что-то припасено... Уже в машине он разворачивается ко мне и говорит:

– Слушай, а ведь я тебе сейчас не всю правду рассказал.

Ой, вот кто бы сомневался – только не я! Прекрасно знаю, что он частенько мне врет.

– Короче, приятель мой, Джеральд... словом, как тебе сказать...

– Что ты мнешься, как баба на сносях? – злюсь я, в душе уже понимая, что подвох какой-то определенно есть.

– Ну-ка, подвинься сюда, – просит Костя ласковым голосом, я высовываюсь между сиденьями и получаю пощечину: – Ты опять забылась? Так вот, значит... Джеральд приехал специально, мне заказ классный подкинули, настоящий «хард», без дураков, жесткий, но нужен третий. А я только ему могу доверить тебя.

– И ты, сука, решил, что я соглашусь на «хард»? Да еще с кем-то третьим?! – Вторая пощечина, сопровождаемая тяжким вздохом:

– Ничего ты не понимаешь...

Костя закуривает и продолжает:

– Ты просто подумай сама... вдруг тебе понравится? Заметь – я тебя пока уговариваю, а не ставлю перед фактом.

– Вот спасибо, что разрешил мне самой решить, стоит подставляться незнакомому мужику или нет!

– Я не разрешил решить, я попросил подумать – это разные вещи, – Костя произносит это с усталой интонацией учителя, вдалбливающего простую истину дебилу-второгоднику.

– То есть, что бы я ни сказала, фотосессия все равно будет? – уточняю я.

– Лор... ну, чего ты обостряешь, а? Я ведь по-хорошему...

– Ни фиги себе – по-хорошему! А по-плохому тогда как?! Между прочим, если ты вдруг не заметил, это мое тело, да? И только мне решать, что с ним будет!

– Ну что ты бесишься, а?
– Да, разумеется – с чего бы это?
– Ты боишься, что ли?
– А что – у меня есть основания этого не делать?!
– Есть. Я тебе отвечаю – ничего с тобой не случится.
– Да ты за себя не можешь ответить – вечно косяки какие-то! А тут совершенно чужой мужик!

– Да я Женьку знаю с пяти лет, у нас родители дружат всю жизнь! Он просто сейчас в Иркутск переехал!

Я понимаю, что уговорить его мне уже не удастся – если Костяну что-то втемяшилось в голову, то это все – пиши пропало. Но и меня можно понять... я жутко боюсь, потому что представления не имею о человеке, который будет прикасаться ко мне, да не просто так прикасаться... Это все-таки не пять рублей одолжить, как Костя этого не понимает?! Меня всю трясет от злости, у меня сейчас только одна мысль в голове: как мне из этого выпутаться. И тут Костя меня добивает. Достает из бардачка пакет и бросает мне на колени:

– Зацени работу.

Я с ужасом обнаруживаю там свои фотографии в полном фетишном антураже – но с лицом, повернутым четко в объектив.

– Красиво? Думаю, что муж твой тоже оценит.

Мне мгновенно становится все понятно. Я попала в ловушку, из которой теперь будет сложно выпутаться – этих фотографий вполне хватит, чтобы уничтожить мой брак, мою репутацию, мою жизнь. Муж, мама...

– За... за что?! – выдыхаю я, чувствуя, как глаза наполнились слезами.

– Ну-ну, не плачь, – он забирает фотографии, – я же сказал – веди себя правильно, и никто, кроме меня, этих снимков никогда не увидит. Все просто.

– Костя... как ты можешь...

– А как еще я могу удержать тебя, скажи? Да, мерзко, противно, шантаж! Но мы с тобой уже глубоко увязли в этом, зайнька. А мне сейчас очень нужны деньги.

– Возьми то, что лежит на моем счете.

– Нет, родная. Во-первых, это твои деньги, и я к ним не прикоснусь. А во-вторых, это не та сумма.

– Зачем тебе столько денег?

– Это мое дело.

Незаметно доезжаем до дома. Костя крепко держит меня за руку, словно боится, что я сбегу. А я, кстати, уже практически готова была прямо из машины рвануть, да он вовремя двери заблокировал. Чувствую себя лисой в капкане. Остается только лапу отгрызть, но и это мне недоступно...

С порога Костя начинает меня раздевать.

– Меня бесят твои волосы, – сообщает он попутно. – Ну как можно ходить с этими веревками, а?

«Веревки» были сделаны в Австрии во время последнего визита туда в гости к подруге, стоили дичайших, по нашим понятиям, денег, потому что это – какая-то дорогая синтетика, имитирующая натуральные волосы почти на девяносто процентов. Но Костяну не нравится. Ха-ха, тут они с моим мужем солидарны на все сто – тот тоже вопил что-то насчет ведьмы из Блэр. Ну, похожу еще месяцок, потом сниму.

– Хочешь, я их в «шишку» соберу?

– Ты еще косу заплети, как Юлия Тимошенко! – фыркает он. – Подожди, я сам...

Ему бы дочку, мне кажется, он бы с нее пылинки сдувал. Но у него сын.

Он собирает мои волосы в хвост на макушке, закручивает каким-то шарфиком – точно, мой шифоновый платок, я его потеряла, блин...

– Вот так... а то мешают все время. Ты обо мне совсем не думаешь, даже не подозреваешь, что мне тоже больно оттого, что больно тебе. Я же тебя люблю, бестолковую.

– Почему это бестолковую? – Я открываю глаза и прислушиваюсь к ощущению – прошло внутри или нет.

– Да бестолковую – какую же еще?

Он берет мои руки и долго рассматривает запястья. Я молчу. Понимаю я все прекрасно, но сделать с этим ничего не могу, хотя всякий раз испытываю угрызения совести, видя, как сильно он пугается моих обмороков от перенапряжения, моих периодически порванных зубами губ (кстати, вот это последнее его жутко заводит, у него прямо глаза вспыхивают, как у маньяка). Почему-то вдруг мне становится его жалко, и я беру в ладони его лицо, целую и шепчу:

– Прости меня... я постараюсь больше так не делать...

– Да не надо стараться, понимаешь? Надо просто голову включить и подумать хоть раз не только о себе. Все, проехали... Я же еще поэтому с Джеральдом замутил, что хочу понять, как мне научиться контролировать тебя полностью.

– Да не выйдет у тебя, как ты не понимаешь? – я глажу его по лицу руками, и он ловит их и целует.

– Почему?

– А ты не знаешь? Потому что тебе это не по силам, дорогой.

– Я тебя сейчас ударю, – шепчет он.

– Да бей – в чем проблема-то? Просто это правда, и ты из-за этого бесишься.

– Лор... я на самом деле ударю сейчас!

– Костя – ударь, ничего не изменится!

Он отпускает меня и садится за стол напротив.

– Дай руки, – ну, конечно, эстет несчастный! Наручники ему понадобились, сейчас вытаскивает свой фотоаппарат и начнет вокруг меня скакать – руки в металлических браслетах крупным планом.

Вы когда-нибудь пробовали есть со скованными руками? Забавное ощущение, между прочим. Я, мне кажется, даже в тюрьме теперь не пропаду со своими навыками – я и маникюр могу сделать в таком положении.

– Винца не хочешь?

– Не хочу.

– Ну, скажи! – Он смотрит умоляюще, и я знаю, каких слов он ждет от меня сейчас.

– Нет...

– Сука! – Костя вскакивает, отшвыривает стул и обходит меня, чтобы не видеть лицо. Я не плачу – даже не знаю почему. – Зачем ты злишь меня?! Что я делаю не так, чтобы заслужить такое отношение, а?!

Я поворачиваюсь и смотрю в потемневшие от злости глаза Костика, виновато опускаю голову. Я не могу... ну, не умею я!

Он стягивает джинсы и за хвост притягивает мою голову. Я просто физически чувствую, как он зол...

– Сиди спокойно, я сам! – прекрасно знает, я не люблю, когда «он сам». – Я тебе сказал – не шевелись! Да... вот хорошо...

Меня переполняют злость и досада – он опять меня изнасиловал, и не столько физически, сколько морально, а этого я терпеть не могу.

Довольный, он вытягивается на кровати, а я так и сижу у стола и чуть не плачу. Костя дотягивается до фотоаппарата на тумбочке, лениво наводит на меня объектив:

– Ну, улыбнись, ты так красиво улыбаешься, когда злишься...

Значит, понимает, что я недовольна. И даже понимает, чем именно. Раздается звонок в дверь, я дергаюсь от неожиданности, а Костя вскакивает и натягивает джинсы:

– Джеральд пришел!

– Сними наручники.

– Зачем? – искренне изумляется он, и я просто визжу от гнева:

– Ты, сволочь!

Он дает мне пощечину и улыбается:

– Да ну? погоди, я дверь открою...

– Костя! Ты не понимаешь, да?! – Он возвращается из коридора, отвечает мне еще оплеуху:

– Ну ведь просил – не дерзи мне! Ты что орешь – стесняешься, что ли?

– Я тебя прошу – пожалуйста...

– Уже лучше, но все равно не то.

– Костя...

– Все, моя дорогая, не плачь. – Он целует меня, но руки не освобождает.

Уходит открывать дверь, и я в бессильной ярости ору во все горло. Это только Костя такой извращенец или есть еще придурки? Но если он ждет, что я тут рыдать буду, – хрен, не дождется!

В комнату он возвращается не один – с ним высокий мужик таких габаритов, что у меня резко поубавляется прыти... Если это тот, о ком я думаю, то все – я ни за что не вынесу... У него ручищи – как у рубщика мяса на Центральном рынке... И вид как раз для съемок в жестком порно.

– Вот знакомься, Джеральд. – Костя кивает в мою сторону, и в меня упирается тяжелый взгляд карих глаз.

– Хорошая девочка... молодая? – хриплым голосом спрашивает он, и Костя усмехается:

– Нет, Джер, ровесница моя.

– На три года моложе, значит... Отлично сохранилась. Может, отпустишь пока – что за разговор из такой позиции?

Костя снимает наручники. Не говоря ни слова, я ухожу в ванную и там долго реву, сидя на бортике и глядя на свое отражение в зеркале. Как мне выпутаться? Что теперь делать? С помощью этих снимков Костя может заставить меня делать все, что угодно. Мне очень страшно. Но почему-то в прямом взгляде Джера я не уловила никакой угрозы. Он смотрел с любопытством и в какой-то момент даже с жалостью – или мне просто так показалось?

Я успеваю принять душ и, когда возвращаюсь, застаю мужчин за столом. Замечаю бутылку водки и перевожу дух – значит, сегодня ничего не произойдет, – не занимаюсь этим на пьяную голову.

– Садись сюда, – Костя хлопает по подлокотнику своего кресла.

Я сажусь, и он тут же обхватывает меня за талию, а свободной рукой протягивает фужер с вином:

– Держи... – Он обмакивает палец в вино и проводит по моим губам. Я еле сдерживаюсь, чтобы не тяпнуть его зубами. – Ну что, Джер, – нравится?

Я чувствую себя куском мяса на базаре, потому что Джеральд рассматривает меня в упор и, кажется, даже видит то, что скрыто под белым обтягивающим платьем. Хотя оно мало что закрывает...

Что-то мне уже не кажется, что он нормальный... какой-то он странный, и чем дальше, тем сильнее я его боюсь. Как мне уговорить Костю отказаться от этой безумной затеи, я не

знаю... Но и то, что испытать на себе его руку я не хочу – факт (кстати – он реально рубщик мяса... ну и интуиция у меня...).

Ночь, такая темная и как будто липкая на ощупь. Такая же липкая, как кровь на ладонях. Как чужой страх, которым он пропитался насквозь. Но именно это ощущение чужого страха, власти над чужим телом так заводит. Как же прекрасны эти широко распахнутые от ужаса глаза, как прекрасны эти губы, с которых срываются мольбы о пощаде... Это позволяет ему чувствовать себя вершителем чужой судьбы: захочет – и оставит жить. А может ведь и не захочет. Ему хочется прошептать ей на ухо: «Прости меня, милая, я ничего не имею против тебя», но нельзя. Нельзя, чтобы она слышала его голос. Она и так никогда не сможет его забыть, потому что как забыть то, что произошло между ними только что? Он ведь почти любил ее... как ту, что нужна ему постоянно. Как ту, что не отвечает взаимностью...

* * *

Джеральд меня то пугает, то удивляет до онемения. Он постоянно рядом, все время. Нет, ну я понимаю – они с Костей друзья и все такое, но я-то при чем? Почему я должна постоянно находиться вместе с ними? Я бы в салон съездила, маникюр поправила, например. Но нет – я даже домой заскакиваю только переодеться. Хорошо еще, клуб работает как часы – старший тренер с тремя молодыми вполне справляются со всем. А то было бы мне счастье...

Костя обалдел совершенно – корчит из себя крутого, в связи с чем под верхней одеждой на мне никогда нет белья (а октябрь за Уралом – это вам не в средней полосе России и тем более не в южной ее части, кстати). Я не могу понять смысла этой нелепой акции. Неужели Костя думает, что все это как-то поднимет его вес в моих глазах? Да ни в жизнь. Джеральду, кажется, это тоже не особо нравится, потому что вчера в ночном клубе он задержал меня в темном углу и обнял, зажав ладонью рот:

– Тихо... я ничего тебе не сделаю... Ух ты... какая нежная... Ну-ка, посмотри на меня... Испугалась? Все? Прошло? – Он легонько шлепает меня по щекам, дует в лицо. – Что же за игры у вас такие?

– Нормальные, – бурчу я, отталкивая его руки, но Джеральд настойчивый:

– Я тебе что, совсем не нравлюсь?

– А должен?

– Я так понял, что по сюжету мы с тобой... ха-ха-ха... Посмотри на меня. – Он поднимает мою голову за подбородок.

Ну, что я могу сказать... Не знай я, кто он есть, вполне возможно, что он привлек бы мое внимание. Я люблю таких – больше похожих на животных, чем на мужчин. Что за первобытные привычки у меня...

Так вот, о Джеральде. Он, конечно, страхолудный, и шрам во всю щеку – безобразный рубец от пореза... но что-то есть в нем такое... притягательное. Я бы с удовольствием оказалась с ним наедине на пару часиков – думаю, что мы нашли бы чем заняться...

– Ну, что молчишь? – Он перемещает руку на мою шею, поглаживает пальцами.

– А что я должна сказать? Да, по сюжету мы с тобой «ха-ха-ха».

– Костя идиот, – качает он головой. – Зачем он делает это с тобой? Не нашел никого другого? Тебя ведь тошнит от этого.

– Тебе не понять, – хрипло говорю я, хотя он не сжимает пальцев и дышать я могу свободно.

Господи, какая я... я ведь его хочу, оказывается...

– Джер... не надо...

– Да, пока рановато, – соглашается он и отпускает меня. – Идем.

Костя сидит за столиком и напряженно смотрит в сторону выхода – именно туда я ушла минут двадцать назад. Увидев нас вдвоем, расслабляется. Дурак, знал бы ты... Он берет меня за руку, усаживает к себе на колени и гладит по щеке, и я вдруг замечаю, как кривится при этом лицо Джера. Я вздрагиваю и убираю руку Кости. Он недоволен, но виду не подает. Он не пьет, зато почему-то вдрызг напиваюсь я, даже не понимаю зачем. Мы едем домой, и я почти лежу на заднем сиденье, чувствуя, как голова улетает куда-то, а под моим пальто всю хозяйничает рука Джеральда, хотя сам он старается сохранить невозмутимый вид, насколько я могу понять. Какой кошмар... Но мне так отлично, что я даже не возмущаюсь.

– Да... Заинька, обалдеть... Ну ты молодец... – Костя стоит на коленях перед кроватью, на которой, свесив вниз голову, на спине лежу я. Щелчки фотоаппарата раздражают, свет лупит в глаза, но я терплю.

Я уже устала – он снимает с самого утра, как только можно, не давая отдохнуть – своего рода наказание за вчерашние проказы с Джеральдом. Разумеется, я ему все рассказала – когда пьяная, меня несет.

– Завтра... – вдруг говорит Костя, вытягиваясь рядом со мной на кровати.

– Что?

– Завтра сюда приедет Джеральд... – Что-то в его голосе заставляет меня вскочить и стряхнуть с себя усталость и расслабленность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.